
КЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Біографія Пушкина довольно уже извѣстна и, къ чести послѣдняго времени, надо замѣтить что нынѣ собрано и напечатано на страницахъ различныхъ изданій множество матеріаловъ для подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ общественною и литературною дѣятельностью Пушкина. Тѣмъ не менѣе и теперь можно еще слышать отъ лицъ знавшихъ Пушкина не мало подробностей о немъ и о его жизни, и притомъ подробностей не бывшихъ до сихъ поръ въ печати. Воспоминанія о Пушкинѣ попадаютъ въ разныхъ неизданныхъ еще запискахъ, замѣтки о немъ встрѣчаются въ мало извѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ.... Въ моей записной книжкѣ есть не мало такихъ выписокъ и замѣтокъ, записанныхъ мною со словъ лицъ хорошо знавшихъ Пушкина. Эти-то выдержки изъ записной своей книжки я представляю въ настоящей статьѣ, отнюдь не связывая ихъ въ цѣльный очеркъ, дабы не повторять фактовъ слишкомъ хорошо извѣстныхъ изъ печатныхъ біографій Пушкина.

I.

Въ *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, за прошлый годъ, была помѣщена небольшая статейка, составленная по дѣламъ Псковскаго губернскаго правленія 1824 года, о ссылкѣ Пушкина изъ Одессы въ деревню, въ Псковскую губернію. Я считаю нелишнимъ начать выдержки изъ моей записной книжки эту небольшую статейкой, тогда же списанною мною изъ мало извѣстной газетки, съ необходимыми съ своей стороны дополненіями.

„Въ іюль 1824 года, бывшій тогда псковскій губернаторъ Адеркасъ получилъ предложеніе генераль-губернаторовъ: мѣстнаго—маркиза Паулуччи и новороссійскаго—графа Воронцова, слѣдующаго содержания: „Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастію, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, которыя ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяетъ въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мнѣнія; поему, по Высочайшему повелѣнію, онъ исключенъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и дабы отвратить, по возможности, отъ молодаго человѣка всю строгость законовъ, которой бы онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ легко подвергнуться при ненадежности своего поведенія, государь императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псковской губерніи въ помѣстьѣ родителей своимъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства.“ Приложенная при предложеніи маркиза Паулуччи выписка изъ письма Пушкина заключала въ себѣ нѣсколько строкъ, писанныхъ имъ, какъ можно думать, къ своему пріятелю о томъ какъ онъ проводитъ время: онъ „пишетъ пестрыя строфы романтической поэмы и бесѣдуетъ съ какимъ-то глухимъ философомъ-Англійчаниномъ“. Бесѣды эти, заключая въ себѣ легкомысленныя сужденія о религіи, послужили поводомъ къ высылкѣ Пушкина. Повтъ нашъ въ то время былъ въ Одессѣ. По маршруту, данному ему одесскимъ градоначальникомъ, онъ отправился 30го іюня въ Псковъ и прибылъ 9го августа прямо къ отцу своему, статскому совѣтнику Сергѣю Львовичу, проживавшему въ Опочекѣмъ уѣздѣ, въ селѣ Михайловскомъ. По соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, полковникомъ Львовымъ, для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина былъ назначенъ новоржевскій помѣщикъ, коллежскій совѣтникъ Иванъ Рокотовъ; но опасался ли тотъ пылкой натуры поэта, и оттого не хотѣлъ

становиться въ щекотливое положеніе въ отношеніи къ нему, или, какъ писалъ Львовъ, Пушкинъ на первомъ же шагѣ не послушалъ Рокотова, только сосѣдъ-помѣщикъ, во избѣжаніе неприятностей, отказался отъ возложенной на него должности, отзвываясь разстроеннымъ здоровьемъ. Опасенія за Пушкина, усиливаясь еще и тѣмъ что, вопреки распоряженію губернатора, онъ, не являсь въ Псковъ, проѣхалъ прямо въ имѣніе своего отца, побудили Адеркаса сдѣлать распоряженіе о высылкѣ Пушкина въ Псковъ. Въ августѣ 1824 года, въ присутствіи псковскаго губернатора, коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ далъ подписку въ томъ что онъ обязуется жить безотлучно въ помѣсть родителя своего, вести себя благонаравно, не заниматься никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, предосудительными и вредными общественной жилни, и не распространять оныхъ никуда. Послѣ того, по распоряженію генераль-губернатора маркиза Пауллучи, сообщено опочечкому предводителю дворянства, статскому совѣтнику Пещурову, что „если статскій совѣтникъ Пушкинъ дастъ подписку, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ сына, то въ семъ случаѣ послѣдній можетъ оставаться подъ присмотромъ своего отца и безъ избранія особаго къ такому надзору дворянина, тѣмъ болѣе что отецъ Пушкина есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей.“ Однакожь Сергѣй Львовичъ отозвался (въ ноябрѣ 1824 года) что не можетъ воспользоваться довѣріемъ, дѣлаемымъ ему генераль-губернаторомъ, потому что, имѣя главное помѣстье въ Нижегородской губерніи, а всегдашнее пребываніе въ С.-Петербургѣ, онъ, по дѣламъ своимъ, можетъ потерпѣть совершенное разстройство, оставаясь неотлучно при одномъ сынѣ, тѣмъ болѣе что непредвидимыя обстоятельства вынуждаютъ его быть вскорѣ въ Москвѣ.

„Такъ проживалъ нашъ писатель въ Михайловскомъ, когда было получено извѣщеніе отъ главнаго штаба его величества, отъ 26го іюня 1825 года, что государь императоръ дозволилъ Пушкину пріѣхать въ Псковъ и имѣть тамъ пребываніе до излѣченія отъ болѣзни, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе какъ за поведеніемъ, такъ и за разговорами Пушкина. По пріѣздѣ въ Псковъ, Пушкинъ, 19го іюля 1825 года, свидѣтельствованъ въ псковской врачебной управѣ, и оказалось что онъ имѣетъ въ нижнихъ конечностяхъ, особенно на правой голени, повсемѣстное расширение крововозвратныхъ жилъ, отчего коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи. Тогда же Пушкинъ послалъ всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о позволеніи ѣхать, для излѣченія болѣзни, въ Москву, Санктпетербургъ или въ чужіе края...“

Послѣдующія событія, передаваемыя въ цитуемой статейкѣ *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, спутаны и отнесены

къ 1825 году, тогда какъ въ дѣйствительности они совершались въ 1826 году, по восшествіи на престолъ императора Николая Павловича. По повелѣнію государя, генералъ Дибичъ сообщилъ Пушкину о высочайшемъ позволеніи ему отправиться въ Москву съ посылаемымъ нарочно отъ Дибича фельдъегеремъ, въ своемъ экипажѣ, свободно, не какъ арестантъ.

„4-го сентября (1826 года), вечеромъ, Пушкинъ (продолжаетъ составитель статейки *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*) отправился въ Москву, гдѣ въ то время находился императоръ и при немъ дежурный генералъ главнаго штаба его величества, къ которому было велѣно явиться поэту... Одинъ изъ старожилонъ разказываетъ что Пушкинъ ѣхалъ въ Псковъ съ Пещуровымъ. Перевздъ до Пскова былъ сопряженъ въ то время съ большими неудобствами: почтовыхъ лошадей по тракту отъ Острова было немного; отъ послѣдней станціи Черехи къ Пскову начинались сыпучіе пески до самаго города. На станціи путешественники не могли ничего найти съѣстнаго; лошади были въ разгонѣ, нужно было ожидать, и усталые путники находились въ самомъ невеселомъ настроеніи духа; но Пушкинъ развлекалъ декламаціей стиховъ и, подойдя къ окну, перстнемъ начертилъ два стиха, которые оканчивались: „Адеркасъ накормитъ насъ“. Неизвѣстно, однакожь, накормилъ ли ихъ Адеркасъ, потому что они дотащились едва-едва къ ночи въ Псковъ и, вѣроятно, не нашли удобнымъ беспокоить губернатора напоминаніемъ что они не ѣли.“

Не такъ давно, въ одной изъ книжекъ *Чтеній*, издаваемыхъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, напечатана переписка гр. Нессельроде съ гр. Воронцовымъ, вслѣдствіе которой состоялась ссылка Пушкина изъ Одессы въ деревню. Поводомъ къ этой перепискѣ было, безъ сомнѣнія, перехваченное письмо Пушкина, къ кому именно писанное—неизвѣстно. Нессельроде, не упоминая объ этомъ письмѣ, просто пишетъ что, по дошедшимъ до императора свѣдѣніямъ о поведеніи и образѣ жизни Пушкина въ Одессѣ, его величество находитъ что пребываніе въ этомъ шумномъ городѣ для молодаго человѣка, во многихъ отношеніяхъ, вредно, и потому государь поручаетъ спросить мнѣнія Воронцова на этотъ счетъ. Воронцовъ отвѣтилъ что совершенно согласенъ съ высочайшимъ опредѣленіемъ и вполне убѣжденъ что Пушкину нужно больше уединенія для собственной его пользы.

II.

Помѣщикъ Рокотовъ, какъ видно изъ предыдущей статейки, отказался отъ наблюденія за „опаснымъ“ поэтомъ. Тогда Пушкина, какъ гласитъ мѣстное преданіе, да видно и изъ его писемъ, отдали подъ надзоръ игумена Святогорскаго Духова монастыря, находящагося верстахъ въ пяти отъ сельца Михайловскаго. Это обстоятельство дало Пушкину поводъ ко многочисленнымъ шуткамъ, анекдотамъ и экспромптамъ; ими онъ дѣлился съ друзьями, охотно посѣщавшими поэта въ его сельскомъ уединеніи. Вотъ, напримѣръ, начало одной изъ такихъ шутокъ, сохранившихся въ памяти добраго пріятеля нашего поэта, А. Н. Вульфа:

„Дѣдушка игумень
 Былъ ли намъ пріятель?
 Жилъ ли онъ межъ гумень
 Или межъ голубятеъ?
 Дѣвушкамъ красоткамъ
 Онъ ли строилъ куры?
 Бабушкамъ дѣвоткамъ
 Говорилъ ли: куры
 Отчего несутся?
 . . . . .

III.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ Пушкинымъ въ изгнаніи, въ деревнѣ, какъ извѣстно, лучшею отрадой его было проводить время въ лежащемъ неподалеку отъ сельца Михайловскаго селѣ Тригорскомъ. Это село отстоитъ отъ имѣнія Пушкина верстахъ въ двухъ или въ трехъ. Не проходило дня чтобы Пушкинъ не приходилъ пѣшкомъ или не пріѣзжалъ на своемъ лихомъ жеребцѣ въ этотъ тихій и поэтической пріютъ. Владѣлица этого села, вдова Прасковья Александровна Осипова (рожденная Вымдонская, по первому мужу Вульфъ) была женщина весьма, по своему времени, образованная и, вмѣстѣ со своими дѣтьми: студентомъ Дерптскаго университета Алексѣемъ Вульфомъ и дочерьми: Анной и

Евпраксіей, отъ всего сердца любила Пушкина и высоко чтила его талантъ. Я много уже разказывалъ объ этомъ почтенномъ семействѣ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина въ шести статьяхъ озаглавленныхъ: *Прогулка въ Тригорское*, и помѣщенныхъ мною въ *С.-Петербургскіихъ Вѣдомостяхъ* за 1866 годъ. Рядъ писемъ Пушкина къ Пр. А. Осиповой и А. Н. Вульфъ напечатанъ мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, въ первой книжкѣ. Здѣсь мы приведемъ лишь тѣ черты и подробности которыя не нашли себѣ мѣста въ *Прогулкѣ*, а между тѣмъ имѣютъ свой интересъ. Такъ, напримѣръ, остановимся на альбомѣ Пр. А. Осиповой.

Въ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія въ русскомъ обществѣ были въ большой модѣ альбомы. Рѣдкій изъ писателей того времени, платя дань модѣ, не писалъ въ альбомы.... Были и такіе стихотворцы-любители, которые, ничего не печатая, весьма охотно посвящали свое творчество на стихи исключительно альбомные; такимъ, напримѣръ, былъ отецъ нашего поэта, Сергій Львовичъ Пушкинъ....

Тригорское имѣло много альбомовъ, но изъ нихъ самымъ драгоценнымъ и, такъ сказать, самымъ священнымъ для его обитательницъ былъ альбомъ Пр. А. Осиповой. Въ теченіи почти цѣлаго полустолѣтія вписывались сюда его обладательницей, дочерью ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи, на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства г-жи Осиповой съ этимъ альбомомъ, и вдругъ, незадолго до смерти его обладательницы, именно въ 1859 году, альбомъ этотъ исчезъ. Десять лѣтъ драгоценная для Тригорскаго и его обитателей книга странствовала по чужимъ людямъ и, наконецъ, при посредствѣ пишущаго эти строки и благодаря обязательности П. И. Булычева, альбомъ этотъ возвратился въ руки тѣхъ кому онъ особенно дорогъ....

Наружность его изящна: это книга во 178 страницъ, въ большую четвертку, обтянутая чернымъ сафьяномъ съ золотыми застежками и золотообрѣзною почтовою бумагой. На оборотѣ первой страницы написаны, въ видѣ эпиграфа ко всему альбому, слѣдующія строки:

„Не всякій рожденъ поэтомъ, не всякій можетъ быть писателемъ и сочинителемъ; но чувствовать красоты изящнаго и ими плѣняться можетъ каждый.“

Семейное преданіе гласитъ что альбомъ этотъ подаренъ г-жѣ Осиповой, въ 1816 году, ея двоюроднымъ братомъ, офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, въ бытность г-жи Осиповой въ Петербургѣ. Есть повѣрье, что тотъ кто начинаетъ альбомъ неминуемо погибнетъ *насильственною смертію*. Это повѣрье въ свое время было такъ сильно что Екатерина Никифорова Хвостова, двоюродная сестра Осиповой, желавъ начать альбомъ ея, струсила и отступилась. Вслѣдствіе этого Прасковья Александровна, не желая подвергать своихъ друзей и поклонниковъ *гибели*, дерзнула сама начать альбомъ, заявивъ впрочемъ о своемъ мужествѣ: „Comme je ne crains rien moins que la mort, je commence mon Album.“

Вслѣдъ за этими строками С. И. Муравьевъ-Апостолъ собственноручно написалъ слѣдующее:

„Ni moi non plus je ne crains ni ne desire la mort. Que le Bon Dieu la bénisse!!!! Quand elle arrivera, elle me trouvera tout prêt, et c'est alors seulement que votre souvenir, ô aimable cousine, s'effacera de mon coeur, si toutefois il ne me suit pas jusqu'à l'autre monde (ce dont je ne puis répondre, car c'est pour moi un pas inconnu).

„Votre cousin Serge Mourawiew.“

„1816, Petersbourg.
„Le 12 de Mai.“

Десять лѣтъ спустя по начертаніи этихъ строкъ, 13-го іюля 1826 года, Сергѣй Муравьевъ погибъ, совершенно согласно съ повѣрьемъ обладательницъ альбомовъ. За вооруженное возстаніе поднятое имъ на югъ Россіи, онъ былъ повѣшенъ на гласисѣ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ....

Что касается до альбома, то онъ, съ роковой руки Муравьева-Апостола, сталъ быстро наполняться всевозможными, впрочемъ, самыми мирными и большею частію сантиментально-романтическими стихами. Такимъ образомъ въ число 139 пѣсень, наполнившихъ альбомъ, вошло много произведеній Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго и въ особенности моднаго въ то время поэта Ламартина; затѣмъ стихи Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, барона Дельвига, Козлова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Воскова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Ѡ. Глинки, Хомякова, Гнѣдича, Плетнева, басни Крылова; даже произведенія такихъ незатѣйливыхъ пѣтъ, какъ Олинъ, Пл. Ободовскій,

Борисъ Ѳедоровъ, нашли себѣ мѣсто въ альбомѣ г-жи Осиповой.

Большая часть стихотвореній этихъ авторовъ вписаны въ альбомъ рукой Пр. А. Осиповой или ея дочерей Анны и Евпраксіи, но нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ автографы; таковы стихи: А. Пушкина, барона Дельвига, Жуковского, Н. Гнѣдича, и особенно много Н. Языкова....

Между стихами, тамъ и сямъ, попадаются выписки отдѣльныхъ мыслей, афоризмовъ изъ писателей русскихъ и иностранныхъ. Вообще же, пересматривая подобныя альбомы, невольно отдаешь имъ справедливость въ томъ что они породили и сохранили не мало мелкихъ произведеній нашихъ поэтовъ. Въ общемъ же своемъ составѣ альбомы всегда показываютъ что именно интересовало въ сферѣ умственной жизни то или другое поколѣніе, къ эпохѣ котораго относятся альбомы....

Альбомъ Пр. А. Осиповой, по крайней мѣрѣ въ стихахъ иностранныхъ (французскихъ и нѣмецкихъ), пестрящихъ его страницы, большею частію сантиментально-романтическій; что касается до русскихъ стихотвореній, то наиболѣе интересны изъ помѣщенныхъ въ этомъ альбомѣ стихи Пушкина: „Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду“; элегія: „Рѣдветъ облаковъ летучая гряда“; его же *Къ Морфею*; *Посланіе къ Ч****, 1820 года, съ морскаго берега Тавриды:

„Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ“ и т. д.

Это стихотвореніе автографъ Пушкина; далѣе изъ его же произведеній въ этомъ альбомѣ встрѣчаются слѣдующія: стихи 1825 года „Въ альбомъ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ“ (нынѣ баронессы Вревской), переписанные ея матерью и вошедшіе въ собраніе сочиненій Пушкина: „Если жизнь тебя обманетъ“ и пр. Затѣмъ слѣдуютъ собственноручно вписанные Пушкинымъ прелестныя его стихи, вошедшіе въ изданія его сочиненій и имѣющіе прямое отношеніе къ Пр. А. Осиповой и къ селу Тригорскому:

„Быть-можетъ, ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ, въ тишинѣ,
Душой безпечно предаваться.

„Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

„Когда померкнетъ ясный день,
Одна, изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ броситъ взоръ умильной...“

„С. Михайловское,
25-го іюня 1825.“

Далѣе въ альбомѣ помѣщены стихи писанные Пушкинымъ по случаю въ позднюю осень присланныхъ (Пр. А. Осиповою) цвѣтовъ:

„Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первоцвѣтовъ полей,
Они унылыя мечтавья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ,
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

„16-го октября 1825 г.“

Изъ прочихъ стиховъ Пушкина, мы находимъ въ альбомѣ: *Къ Зинѣ В.*: „Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте“ и пр. *Посланіе къ Языкову*:

„Языковъ, кто тебѣ внушилъ...“ и т. д.

Посланіе къ Чаадаеву:

„Любви, надежды, тихой славы,
Не долго вѣжилъ насъ обманъ,
Исчезли юныя забавы...“ и пр.

Извѣстное стихотвореніе *Талисманъ* собственноручно вписано Пушкинымъ:

„Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ...“ и пр.

И имъ же вписанъ переводъ не изданныхъ стиховъ Шенье:

„Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая...“ и т. д.

Баронъ Дельвицъ, навѣстившій Пушкина весной 1825 года, не могъ, конечно, не посѣтить и того отраднaго пріюта въ

которомъ такъ часто услаждались и душа, и сердце его друга. Дельвицъ, познакомившійся съ Пр. А. Осиповой еще въ Петербургѣ, провелъ въ Тригорскомъ нѣсколько весьма пріятныхъ дней вмѣстѣ съ Пушкинымъ и оставилъ о себѣ память въ альбомѣ Пр. А. Осиповой, слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Ничто не безсмертно, ни прочно
Подъ вѣчно измѣнной луной:
И все расцвѣтаетъ и вянетъ,
Рожденное бѣдной землей.

„И прежде насъ много веселыхъ
Любило и пить и любить,
Не худо гулякамъ усопшимъ,
Веселья бокалъ посвятить!

„И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбить любовь и вино,
И въ честь намъ наполнять бокалы
Любившимъ и пившимъ давно.

„Теперь мы доврчиво, дружно
И тѣсно за чашей сидимъ:
О, дружба, да вѣчно пылаемъ
Огнемъ мы безсмертнымъ твоимъ!

„Б. Дельвицъ.“

„Село Михайловское.
„22-го апрѣля 1825 года.“

Но особенно усерднымъ вкладчикомъ въ альбомъ Пр. А. Осиповой былъ молодой еще тогда Языковъ. Языковъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и другомъ своимъ А. Н. Вульфомъ, провелъ въ Тригорскомъ лѣто 1826 года. Объ этомъ лучшемъ времени въ жизни Языкова я подробно говорилъ въ статьѣ своей о немъ, напечатанной въ четвертой книжкѣ *Русскаго Архива* за 1867 годъ. Въ это лѣто Языковымъ собственно-ручно вписаны въ альбомъ радушной хозяйки Тригорскаго прелестнѣйшія изъ его стихотвореній:

Элегія: „Свободенъ я, уже не трачу...“, *Мое уединеніе*, „Отъ свѣта вдаль...“, длинное стихотвореніе: *Тригорское* и нѣсколько другихъ піесъ. Вообще же въ альбомѣ Осиповой помѣщено 19 стихотвореній Языкова, бѣльшая часть которыхъ вошла въ изданія его сочиненій, а другія впервые напечатаны мною въ указанной выше статьѣ.

Изъ прочихъ русскихъ стихотвореній, встрѣчающихся въ этомъ альбомѣ, интересна піеса *Деспотъ*. Эта піеса, за исключеніемъ нѣсколькихъ легкомысленныхъ словъ во второй строкѣ, совершенно невинная по содержанію, такъ какъ она относится не къ какой-либо отдѣльной личности, а къ общему типу деспота, очень долго числилась у насъ въ группѣ плодовъ запрещенныхъ. Стихотвореніе это принадлежитъ, если не ошибаюсь, Денису Давыдову.

Вотъ оно въ томъ видѣ какъ вписано неизвѣстною намъ рукой въ альбомъ Пр. А. Осиповой:

„За правду полную, за истину святую,
 ..... деспотъ
 Любимца осудилъ. Главу его сѣдую
 Велѣлъ взвести на эшафотъ.
 И сей предъ смертію насилу могъ добиться
 Предстать передъ него;
 Не милости просить, не плакать, не крушиться,
 Но есть ли правды онъ боится,
 Хоть басню выслушать его.
 Позволилъ царь. Философъ нашъ садится
 И басню эту говоритъ:
 „Ребенокъ нѣкогда сердился,
 „Увидя въ зеркалѣ свой безобразный видъ,
 „Ну въ зеркало стучать, и въ злобѣ, веселился,
 „Что могъ онъ зеркало разбить.
 „На завтра же, гуляя въ полѣ,
 „Въ рѣкѣ свой гнусный видъ увидѣлъ онъ опять.
 „Какъ рѣку истребить? Нельзя. И по неволѣ
 „Онъ долженъ былъ въ душѣ и стыдъ, и гнѣвъ сокрыть;
 „Сіе прилично сходство—
 „Монархъ, гнушайся!—для тебя:
 „Я — зеркало, разбей меня,
 „Рѣка — твое потомство,
 „Ты въ ней найдешь всегда себя!...“
 Монарха эта рѣчь такъ сильно убѣдила,
 Что онъ велѣлъ ему и жизнь, и волю дать.
 Постоите! виновать! велѣлъ его сослать,
 А то бы эта была на сказку походила.“

Выше мы сказали что въ Тригорскомъ былъ не одинъ альбомъ. Поэты, гостившіе въ немъ и воспѣвавшіе его, какъ бы завѣщали обитателямъ этого села любовь къ поэзіи. Такимъ образомъ, здѣсь можно видѣть до десятка разныхъ

рукописныхъ сборниковъ (альбомовъ), исписанныхъ произведеніями музы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Стихотворенія: Пушкина, Веневитинова, барона Дельвига, Жуковского, Языкова, Баратынскаго, Козлова,—обыкновенно во множествѣ попадаются въ этихъ сборникахъ. Одинъ изъ нихъ весь наполненъ стихами Языкова, и изъ него мы извлекли нѣсколько интересныхъ вариантовъ и неизданныхъ его произведеній, которыя и помѣстили въ статьяхъ своихъ о немъ. Другой полонъ произведеніями студентовъ Дерптскаго университета, товарищей Вульфа и Языкова и пр. Нѣкоторые изъ альбомовъ суть подарки либо самихъ поэтовъ, либо подвижниковъ альбомной поэзіи, какъ, на примѣръ, Сергѣя Львовича Пушкина. Между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ сборниковъ я встрѣтилъ слѣдующую эпиграмму Пушкина, не попавшую въ изданія его сочиненій:

Воспитанный подъ барабаномъ
 Нашъ Z*** духимъ былъ каццаномъ:
 Подъ Аустерлицемъ онъ бѣжалъ,
 Въ двѣнадцатомъ году дремалъ,
 Зато былъ фруктовой профессоръ!
 Но фруктъ герою надобѣлъ—
 Теперь коллежскій онъ ассессоръ
 По части иностранныхъ дѣлъ!

А. Н. Вульфъ изъ устъ Пушкина слышалъ эту мѣткую и злую эпиграмму на одного изъ русскихъ дѣятелей первой четверти текущаго столѣтія.

Вмѣстѣ съ альбомами, у жительницъ Тригорскаго свято хранятся разныя мелочи, напоминающія Пушкина: прописи писанныя имъ для дѣтей г-жи Осиповой, бокалы саксонскаго хрустала изъ которыхъ онъ пилъ, суковатая палка на которую онъ опирался; у баронессы Вревской мы видѣли наброски карандаша Пушкина; ей же поднесенъ нашимъ поэтомъ экземпляръ IV и V главъ *Евгенія Онегина* (въ 8 д. Спб. 1828 г.) съ собственноручною, весьма знаменательною надписью поэта: „Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: *Твоя отъ твоихъ*. 22-го февраля 1828.“

IV.

Живя въ деревнѣ въ 1823—1826 годахъ, Пушкинъ, какъ извѣстно, весьма много работалъ для литературы. Между прочимъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ знаменитаго

въ то время (въ 1823 — 1825 годахъ) альманаха *Полярная звезда*. Такимъ образомъ мы находимъ въ трехъ вышедшихъ въ свѣтъ книжкахъ этого прекраснаго, по своему времени, литературнаго сборника нѣсколько стихотвореній заточенника сельца Михайловскаго: *Къ Гречанкѣ, Элегія, Къ друзьямъ, Переида, Въ альбомѣ малюткѣ, Къ Морфею, Элегія, Отрывокъ изъ посланія къ В. Л. П., Доловому, Элегія, Надпись къ портрету*. Здѣсь же были напечатаны первые отрывки изъ его поэмъ: *Дыгана* и *Разбойники*, наконецъ въ *Звѣздочку* на 1826 годъ, * набранную и частію уже напечатанную, но исчезнувшую въ бурѣ 14-го декабря 1825 года, Пушкинъ послалъ прелестный отрывокъ изъ *Евгенія Онѣгина*: ночной разговоръ Татьяны съ няней. Издатели-редакторы *Полярной звезды*, Рылѣевъ и Бестужевъ, высоко чтли дарованіе Пушкина. Вотъ что, между прочимъ, разказывалъ мнѣ по этому поводу братъ Александра Александровича Бестужева, Михаилъ Александровичъ:

„....А. Пушкинъ, присылая свой милый разговоръ Тани съ старушкою няней, увѣдомляетъ моего брата что условія относительно вознагражденія за напечатаніе этого стихотворенія онъ можетъ сдѣлать чрезъ Льва Сергѣевича Пушкина. Это условіе съ Лёвuşкой состоялось въ моемъ присутствіи. Не знаю, отдалъ ли Александръ Пушкинъ этотъ эпизодъ изъ *Онѣгина* своему брату-гулякѣ чтобы деньги были доставлены ему, какъ увѣрялъ Лёвuşка, или это была обычная заплата, которыми Александръ Пушкинъ безуспѣшно зашивалъ долговыя дыры брата, но только Лёвuşка потребовалъ съ издателей по пяти рублей ассигнаціями за строчку. И братъ мой Александръ, не думая ни минуты, согласился.

„— Ты промахнулся, Лёвuşка, смѣясь, добавилъ братъ мой:—промахнулся, не потребовавъ за строку по червонцу... Я бы тебѣ и эту цѣну далъ, но только съ условіемъ: припечатать нашу сдѣлку въ *Полярной звездѣ* для того чтобы знали всѣ съ какою готовностью мы платимъ золотомъ за золотые стихи...“

„Должно замѣтить, добавилъ въ своемъ разказѣ М. А. Бестужевъ:—этому золотому дитяти не суждено было качаться въ модной зыбкѣ *Звѣзды*, потому что событія 1825 года похоронили изданіе альманаха, который долженъ уже былъ

* См. мою замѣтку объ этомъ альманахѣ въ *Русскомъ Архивѣ* 1869 г., стр. 53—60.

явиться въ свѣтъ подъ именемъ: *Звѣздочки*. Перемѣна названія проистекала отъ объема изданія, а объемъ зависѣлъ отъ недостатка времени собрать и сгруппировать въ должной гармоніи статьи. Не стану объяснять вамъ этотъ недосугъ издателей, когда вамъ стоить только припомнить эпоху предшествовавшую 14-му декабря, когда волны событій влекли насъ къ тому жизненному кризису, гдѣ долженъ былъ разрѣшиться вопросъ: to be or not to be....“

V.

Пушкинъ, какъ извѣстно, не былъ членомъ тайнаго политическаго общества которое съ своими развѣтвленіями широко раскинулось въ Россіи за время съ 1817 по 1825 годъ. Между тѣмъ многіе изъ его товарищей, друзей и пріятелей вошли въ составъ этого общества. Чтѣ же спасло Пушкина отъ участія въ немъ? Осторожность отнюдь не была въ его натурѣ, и именно благодаря ея отсутствію онъ сильно настрадался въ жизни; трусомъ Пушкинъ никогда не былъ, чтѣ доказываютъ его дуэли, на которыхъ онъ съ такимъ спокойствіемъ становился предъ пистолетомъ своего противника; воздержностію сужденій не отличался: объ этомъ знала вся грамотная Россія, съ жадностію перечитывавшая множество его рукописныхъ, нецензурныхъ стихотвореній: онѣ-то и угодили его въ долгодѣтнюю ссылку. Итакъ, чтѣ же сохранило пылкаго поэта отъ вступленія въ тайное общество?

Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ запискахъ Ивана Ивановича Пущина (умеръ 3-го апрѣля 1859 года). Пущинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ другъ и товарищъ Пушкина по воспитанію въ лицей. Онъ составилъ весьма интересныя воспоминанія о знакомствѣ и отношеніяхъ своихъ къ Пушкину, которыя и напечаталъ не задолго до своей смерти въ журналѣ *Атеней* (1858 г.). Предъ нами *неизданныя рукописныя дополненія къ этимъ запискамъ*, и въ нихъ-то мы находимъ объясненія по поводу поставленнаго выше важнаго въ жизни Пушкина вопроса. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ нашей интересной рукописи.

„... Встрѣча моя съ Пушкинымъ“, рассказываетъ Пущинъ, „на новомъ поприщѣ (въ 1818—1819 г., то-есть по выходѣ

уже изъ лица) имѣла свою знаменательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ селѣ Михайловскомъ, я уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили моею судьбой! Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ.... Наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемого многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ что по мнѣнїямъ и убѣжденїямъ моимъ, вынесеннымъ изъ лица, я готовъ для дѣла. На этомъ основанїи онъ принялъ въ общество меня и товарища моего Вальховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ....

„Первая моя мысль была открыться Пушкину: онъ всегда согласно со мной мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдовалъ въ нашемъ смыслѣ и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, къ счастью ли его или къ несчастію, онъ не былъ тогда въ Петербургѣ, а то не ручаюсь что, въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему, я, можетъ-быть, увлекъ бы его съ собой. Въ послѣдствїи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, обличенїе его съ людьми ненадежными, пугало меня. Къ тому же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ, по случаю прїѣзда прусскаго короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствїй одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостью, и даже, нѣсколько лѣтъ спустя, объявлено было объ уничтоженїи общества чтобы тѣмъ удалить неудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основанїи я присоединилъ къ союзу одного Рылѣва, несмотря на то что всегда былъ окруженъ многими раздѣляющими со мной мой образъ мыслей.

„Естественно что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки, замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемену и

началъ подозрѣвать что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видаясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и разспросами, отъ которыхъ я какъ умѣлъ отдѣлывался, успокоивая его тѣмъ что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой дѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, перечитывались и читались наизусть его *Деревня*, *Ода на свободу*, *Ура! въ Россію скачетъ* и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живаго человѣка который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ которыя вездѣ повторялись.... Онъ во всеуслышаніе въ театрѣ кричалъ: „Теперь самое безопасное время, по Невѣ идетъ ледъ!“ Въ переводѣ: „нечего опасаться крѣпости“. Конечно, болтовня эта вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на поддразниваніе, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе; слѣдовательно и тутъ даже нѣкоторымъ образомъ достигалась дѣль которой онъ несознательно содѣйствовалъ.

„Между тѣмъ тотъ же Пушкинъ.... очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ; они съ покровительственною улыбкой выслушивали его шутки.

„...Самое сильное нападеніе Пушкина на меня, по поводу общества, было, когда онъ встрѣтился со мной у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ, между прочими, были Куницынъ * и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большаго стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ. „Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ. Подали чай. Мы закурили сигары и сѣли въ уголкѣ.

„—Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ (Тургеневымъ)? Вѣрно это

* Замѣчательный профессоръ Царскосельскаго Лицея въ первую эпоху его существованія.

ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуста, не секретничай: право, любезный другъ, это ни на что не похоже!

„Мнѣ и на этотъ разъ легко было, безъ большого обмана, доказать ему что это совсѣмъ не собраніе общества, имъ отыскиваемого, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно.

„— Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ и, вѣроятно, удивляешься что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ сейчасъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Н. Тургеневъ, разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно-свободномъ направленіи: тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу M-me Staël: *Considérations sur la révolution française* и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь объ ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день, вечеромъ, быть у него: вотъ я и здѣсь!“

„Не знаю настоящимъ образомъ до какой степени это объясненіе, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина, только вслѣдъ за тѣмъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ: не долженъ ли я, въ самомъ дѣлѣ, предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависѣло принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же, невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ объ немъ? Значитъ, ихъ останавливало почти то же что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полного къ нему довѣрія.

„Преслѣдуемый мыслью что у меня есть тайна отъ Пушкина и что, можетъ-быть, этимъ самымъ я лишаю общество полезнаго дѣятеля, я почти рѣшался броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія. Въ этой постоянной борьбѣ съ самимъ собою, какъ нарочно вскорѣ случилось мнѣ встрѣтить Сергѣя Львовича * на Невскомъ проспектѣ.

„— Какъ вы, Сергѣй Львовичъ? Что нашъ Александръ?

„— Вы когда его видѣли?

* Отца Пушкина.

„Нѣсколько дней тому назадъ, у Тургенева.

Я замѣтилъ, что Сергѣй Львовичъ что-то мраченъ.

„Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете послѣднюю его проказу?

„Тутъ онъ разказалъ мнѣ что-то, право не помню что именно, да и припоминать не хочется.

„— Забудьте этотъ вздоръ, почтенный Сергѣй Львовичъ! Вы знаете что Александру многое можно простить: онъ окупаетъ свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которыхъ нельзя не любить.

„Отецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь.

„Я задумался, и, признаюсь, эта встрѣча, совершенно случайная, произвела свое впечатлѣніе: мысль о принятіи Пушкина исчезла изъ моей головы. Я страдалъ за него и, подѣ часть, мнѣ опять казалось что, можетъ-быть, тайное общество, сокровеннымъ своимъ клеймомъ, поможетъ ему повнимательнѣе и поостроже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ненормальномъ своемъ быту. Я зналъ что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ уговориться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному убѣжденію въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлю самого Союза.*

„Послѣ этого мы какъ-то не часто видѣлись....“

Между тѣмъ опрометчивыя выходки Пушкина, давно уже обращавшія на него вниманіе полиціи, вызвали наконецъ рѣшительную для него ссылку. Поэтъ нашъ былъ отправленъ на службу въ Бессарабію и затѣмъ почти четыре года провель въ скитаніяхъ по всему югу Россіи, прежде чѣмъ пріютился въ Одессѣ, въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова. Лѣтомъ 1824 года Пушкинъ былъ высланъ и оттуда: на этотъ разъ его сослали въ заточеніе въ сельцо Михайловское. Всѣ эти годы Пушкинъ зналъ о своемъ другѣ только по слухамъ. Слухи же эти, въ высшей

---

* „Союзъ благоденствія“, такъ называлось тайное политическое общество учрежденное въ 1818 г. въ Петербургѣ нѣсколькими молодыми людьми.

степени интересовавшіе современное общество, были самые разнорѣчивые.

„.... Не зная ничего положительнаго, прибавляетъ Пущинъ, приписывали эту ссылку (то-есть изъ Одессы въ деревню) бывшимъ тогда неудовольствіямъ между Пушкинымъ и графомъ Воронцовымъ. Были разнообразныя слухи и толки.... Все это нисколько не утѣшало насъ.... Впрочемъ, Пушкинъ и самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего изгнанія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы графу Воронцову... думалъ даже что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожныя частыя разговоры его о религіи....“

Въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ 1825 года Иванъ Пущинъ посѣтилъ своего друга-поэта въ его деревенской глуши. Поѣздка эта, пребываніе въ селѣ Михайловскомъ и свиданіе съ Пушкинымъ въ высшей степени живо и увлекательно разказаны Пущинымъ въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ *Атеней* 1858 года. Но предъ нами лежитъ рукопись этихъ записокъ, и въ ней мы находимъ двѣ-три дополнителныя подробности, не попавшія до сихъ поръ въ печать.

Пушкинъ, разказываетъ между прочимъ его гость, съ любопытствомъ спрашивалъ, что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ? При этомъ вопросѣ Пушкинъ разказалъ, будто бы императоръ Александръ пришелъ въ безпокойство, увидя его фамилію въ запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только успокоился, когда убѣдился что не онъ пріѣхалъ, а братъ его, Левушка. „На это я ему отвѣчалъ, прибавляетъ Пущинъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, и что врядъ ли кто-нибудь на него смотритъ съ этой точки зрѣнія.... Незамѣтно (въ разговорѣ нашемъ) коснулся опять подозрѣній насчетъ общества. Когда я ему сказалъ что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе, онъ вскочилъ со стула и воскликнулъ: „Вѣрно все это въ связи съ майоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держать въ Тираспольской крѣпости и ничего немогутъ допроситься....“*

* Майоръ 32-го егерскаго полка Владиміръ Раевскій заключенъ былъ въ Тираспольскую крѣпость 6-го февраля 1822 года. О немъ произведено было четыре военносудныя дѣла въ разныхъ

VI.

Въ дополненіе къ изложенному считаю необходимымъ привести еще одну небольшую выдержку изъ неизданной части записокъ Пуцуина. Она укажетъ намъ какія чувства сохранило благородное сердце Пушкина къ его другу, погибшему въ бурѣ 14-го декабря 1825 года, и какимъ добрымъ участіемъ платили ему его друзья за эту любовь. Вотъ этотъ отрывокъ.

„Сцена перемѣнилась.

„Я осужденъ; * 1828 года, 5-го января, привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился наконецъ съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Чтò дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири душевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукой написано было:

„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ;
Молю святое Провидѣнье:
Да голосъ мой душѣ твоей

частяхъ войскъ и наконецъ, въ 1827 году, по лишеніи чиновъ, орденъ и имѣнія, Раевскій сосланъ въ Сибирь „какъ вредный въ обществѣ человекъ, за важные поступки и вредный образъ мыслей“. *Московскія Вѣдомости* 1827 г., № 94.

* Коллежскій ассессоръ Пуцуинъ, какъ видно изъ *Росписи*, обнародованной въ 1826 г., осужденъ къ смертной казни, отсѣченіемъ головы, между прочимъ за то что участвовалъ въ управленіи (тайнаго) общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ. Приговоръ этотъ тогда же былъ замѣненъ пожизненною каторжною работою, которая потомъ сокращена до 15-тилѣтняго срока, по истеченіи каковаго срока, Пуцуинъ до 1856 года жилъ поселенцемъ въ Сибири.

Даруетъ то же утѣшенье,
 Да озаритъ онъ заточенье
 Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!“

„Псковъ, 13-го декабря 1826.“

„Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина; преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаньи. Увы! я не могъ даже пожать руку той женщины которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго вѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ-быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ, а Пушкину, видно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна (Муравьева) проговорила мнѣ что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мной, и рада что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ.

„По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу: * такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842 году братъ мой Михаилъ ** отыскалъ во Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ.***

„Въ своеобразной нашей тюрьмѣ я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина, мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, **** умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: „19-го октября 1827 года“:

„.... Богъ помощь вамъ, друзья мои,
 Въ заботахъ жизни, царской службы,
 И на пирахъ разгульной дружбы,
 И въ сладкихъ таинствахъ любви!

* Плетневъ издавалъ въ то время *Современникъ*.

** Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій въ послѣдніе годы комендантомъ Бобруйской крѣпости, умеръ въ февралѣ 1869 года.

*** Писано въ 1858 году.

**** Бывшаго первымъ по времени, да и по своимъ достоинствамъ, директоромъ Царскосельскаго лицея.

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастья, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастьяхъ земли!..."

„И въ эту годовщину, въ кругу товарищей, друзей, Пушкинъ вспоминалъ меня и Вильгельма, * заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывались на лицейской сходкѣ.

„Въ послѣдствіи узналъ я объ его женитбѣ и камеръ-юнкерствѣ; и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ: я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и царедворцомъ; жена красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ объ немъ, не обѣщало упрочить его счастье....“

VII.

Съ освобожденіемъ изъ заточенія въ деревнѣ, Пушкинъ, какъ извѣстно, бросился въ водоворотъ шумной свѣтской жизни. Всюду сопутствовала ему слава гениальнаго поэта, окружившая его личность блестящимъ ореоломъ; всюду ждалъ его самый радушный приемъ, вездѣ встрѣчались люди стоявшіе въ рядахъ образованнѣйшихъ представителей тогдашняго общества и считавшіе за особую честь быть знакомыми или пріятелями Пушкина. Къ этимъ первымъ годамъ новой эпохи его жизни относится одинъ эпизодъ, который не былъ еще разказанъ ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о его жизни. Этотъ эпизодъ переданъ намъ однимъ изъ тогдашнихъ друзей Пушкина, г. М***.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ славился радушіемъ и гостепріимствомъ домъ князя Александра Михайловича и княгини Екатерины Павловны Урусовыхъ. Хозяйка, рожденная Татищева, родная сестра знаменитаго русскаго посла сначала въ Мадридѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, Дмитрія Павловича Татищева, была женщина весьма образованная, прекрасно знала иностранные языки и въ особенности англійскій, на которомъ весьма свободно и

* Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, по воспитанію лицеистъ, за участіе въ 14-мъ декабря 1825 года, сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ 1843 году.

съ большою охотою объяснялась. Но не одно радушіе и образованность хозяевъ влекли въ этотъ домъ тогдашнюю молодежь, и туземную, и пріѣзжую. Въ домѣ этомъ были три граціи, дочери князя Урусова, три красавицы, справедливо считавшіяся украшеніемъ московскаго общества того времени. Старшая изъ нихъ, Марія, была замужемъ за графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, сыномъ московскаго богача, имѣвшаго громадный домъ на Разгуляѣ; вторая, Софья, вышла въ послѣдствіи за кн. Льва Радзивилла, а третья была потомъ въ замужествѣ за гр. Кутайсовымъ. Нельзя сказать чтобы князь Урусовъ дѣлалъ большіе и парадные приемы гостей или вообще устраивалъ роскошные званые вечера, тѣмъ не менѣе почти каждый день собирался у него тѣсный кружокъ друзей и знакомыхъ, преимущественно молодыхъ людей. Такимъ образомъ здѣсь бывалъ М***, блестящій адъютантъ знаменитаго графа Петра Александровича Толстаго; сюда же постоянно являлся родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С***, человекъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзіи Байрона и скромный подражатель ему въ стихахъ, которые онъ кропалъ, такъ сказать, „про себя“. С*** былъ весьма неравнодушенъ къ одной изъ красавицъ княженъ Урусовыхъ. Въ этомъ же домѣ особенно часто появлялся, весной 1827 года, Пушкинъ. Прекрасная среда его окружавшая, красота и любезность молодыхъ хозяекъ дѣйствовали на нашего поэта весьма возбуждительно, и онъ, проводя почти каждый вечеръ у князя Урусова, бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохотливъ. Въ разказахъ, импровизаціяхъ и шуткахъ бывалъ въ это время неистощимъ. Между прочимъ, онъ увлекалъ присутствовавшихъ прелестною передачей русскихъ сказокъ. Бывало все общество соберется вечеркомъ кругомъ большаго круглаго стола, и Пушкинъ поразительно увлекательно переноситъ слушателей своихъ въ фантастическій міръ населенный вѣдьмами, домовыми, лѣшими, русалками и всякими созданіями народнаго эпоса. Нечего и говорить что матеріалъ, добытый имъ въ долговременное пребываніе въ деревнѣ, разукрашаемъ былъ вымыслами его неистощимой фантазіи, причемъ Пушкинъ ловко поддѣлывался подъ колоритъ народныхъ сказаній.

Во время этихъ посѣщеній Пушкинъ, еще по петербург-

ской своей жизни бывшій короткимъ пріятелемъ М***, сблизился и съ С***; послѣднему Пушкинъ подарилъ сочиненія Байрона, причемъ сдѣлалъ на книгѣ надпись въ весьма дружественныхъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе легко было замѣтить что ревнивый и крайне самолюбивый С*** чѣмъ чаще сходилъ съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему пріятелю. Особенное вниманіе, которое столь справедливо встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особенности вниманіе молодой княжны, предмета сокровеннаго обожанія со стороны С***, возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и притомъ, какъ большею частію бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за самой пустой причины.

Однажды Пушкинъ, шутя и балагурия, разказалъ что-то смѣшное о графинѣ Б. С***, мрачно поглядывавшій на Пушкина, прослушалъ весь разказъ и, по окончаніи его, счелъ нужнымъ, въ качествѣ знакомаго или даже роднаго Б., обидѣться.

— Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ? задорно проговорилъ С*** обращаясь къ Пушкину. — Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительныхъ объ ней отзывовъ....

— Зачѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разказъ? отвѣчалъ Пушкинъ.—Почему вы не сказали мнѣ раньше что вы знакомы съ графиней Б? А то вы спокойно выслушали весь разказъ, и потомъ какимъ-то Донъ-Кихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію?

Вся эта сцена произошла въ довольно тѣсномъ кружкѣ обычныхъ гостей князя Урусова; тутъ же былъ и г. М***, передавшій намъ подробности происшествія.

Затѣмъ разговоръ въ тотъ вечеръ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, и всѣ развѣхались по домамъ не обративъ на него никакого вниманія.

Но на другой же день, рано утромъ, на квартиру къ М*** является Пушкинъ. Къ величайшему изумленію М***, пылкій пріятель его, съ обычною ему живостью, передалъ что не далѣе какъ въ это же утро онъ получилъ отъ С***

письменный вызовъ на дуэль, и ни минуты не мѣшкая, отвѣчалъ ему, письменно же, согласиємъ на принятіе вызова.

Вотъ подлинныя слова записки Пушкина, написанной на маленькомъ лоскуткѣ. М*** въ послѣдствіи добылъ ее и до нынѣ сохраняетъ изъ уваженія къ памяти своего друга:

„A l'instant, si vous le desirez, venez avec un temoin.“

А. Р.

„15-го апрѣля.“

Передавъ о своемъ отвѣтѣ на вызовъ С***, Пушкинъ сообщилъ М***, что у него уже былъ секундантъ С***, Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ (нынѣ покойный), и что онъ послалъ его для переговоровъ объ условіяхъ дуэли, къ нему, М***, котораго и проситъ быть секундантомъ.

Какъ ни неожиданно и странно было это предложеніе, тѣмъ не менѣе М*** не счелъ возможнымъ отклонить предложеніе Пушкина, съ одной стороны, зная, что если онъ откажется, то Пушкинъ легко найдетъ себѣ другаго секунданта, а главное, тутъ же задумавъ какъ бы уладить дѣло миромъ и не допустить человѣка бывшаго гордостью и славою всей Россіи такъ опрометчиво рисковать жизнью.

Только что уѣхалъ Пушкинъ, къ М*** явился секундантъ С***, Шереметевъ. Это былъ артиллерійскій офицеръ, по прежней своей службѣ товарищъ С***, а въ разказываемое время состоявшій адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго. Это былъ человѣкъ благородный и добрый, несмотря на нѣкоторыя странности. М*** очень обрадовался увидавъ Шереметева въ роли секунданта противника Пушкина: значитъ, дѣло можно уладить!

И вотъ М*** повелъ переговоры омирѣ. Но Шереметевъ, войдя серьезно въ роль секунданта, требовалъ чтобы Пушкинъ, если не будетъ драться, извинился предъ С***, и какъ ни убѣждалъ его М*** что этого не возможно требовать отъ Пушкина, такъ какъ онъ ни въ чемъ и невиновать предъ С***, но Шереметевъ былъ непреклоненъ.

— Послушай, однако, сказалъ М***, прибѣгая къ послѣднему аргументу: — если будетъ убитъ на этой дуэли С***, никто дурнаго слова не скажетъ ни о комъ изъ насъ, никто не пожалѣетъ о С***, такъ какъ подѣломъ ему и кара, ну, а если погибнетъ Пушкинъ, какъ приметъ эту вѣсть все

русское общество, вся Россія? И что жь ты думаешь? Не обратится ли справедливое всеобщее негодованіе на секундантовъ этой глупой дуэли, на меня съ тобой? Не обвинить ли насъ каждый что мы допустили состояться этой дуэли; повѣрь что каждый назоветъ насъ полнѣйшими дураками, что мы не сумѣли отвратить дуэли и притомъ происшедшей изъ-за такихъ пустяковъ.... Повѣрь что намъ послѣ этого нельзя будетъ никуда показаться, каждый кто мало-мальски почитаетъ Пушкина будетъ насъ проклинать....

Въ виду этихъ и имъ подобныхъ аргументовъ, Шереметевъ понялъ наконецъ что исторія, въ которую онъ впутался, прежде всего падетъ всеѣмъ позоромъ на головы секундантовъ, въ случаѣ если будетъ убитъ или раненъ Пушкинъ, и что во всякомъ случаѣ надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лобъ гениальнаго поэта подъ дуло пистолета взбалмошнаго офицера.... Шереметевъ поспѣшилъ уговориться съ М*** о средствахъ къ примиренію С*** съ Пушкинымъ. Затѣмъ въ то же утро Шереметевъ привелъ С*** къ Сергѣю Александровичу Соболевскому, на Собачью площадку, у котораго жилъ въ это время Пушкинъ. Сюда же пришелъ М***, и, при дружескихъ усиліяхъ обоихъ секундантовъ и при посредничествѣ Соболевскаго, имѣвшаго, по свидѣтельству М***, большое вліяніе на Пушкина, примиреніе состоялось. Поданъ былъ роскошный завтракъ, и, съ бокалами шампанскаго, противники, безъ всякихъ извиненій и объясненій, протянули другъ другу руки.

Такъ благополучно окончился одинъ изъ многихъ подобныхъ эпизодовъ въ жизни пылкаго и быстро увлекавшагося Пушкина. По мнѣнію М***, съ Пушкинымъ не произошла бы катастрофа, десять лѣтъ спустя сведшая его въ преждевременную могилу, еслибы на то время случился при немъ въ Петербургѣ С. А. Соболевскій. Этотъ человекъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ нашего поэта и непременно сумѣлъ бы отвратить отъ него роковую дуэль.

VIII.

Семейная жизнь Пушкина, какъ извѣстно, не была особенно сладка и пріятна. Отецъ его, отставной гвардейскій офицеръ временъ Павла I, былъ человекъ холодный, пустой

и безтолково-расточительный. Всю жизнь свою онъ провель довольно безалабернымъ образомъ, проживая и проживаясь, положительно ничего не дѣлая, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Французское воспитаніе имъ полученное отодвинуло его отъ Россіи и русскаго народа и не могло дать ему ни свѣдѣній, ни энергіи для службы на какомъ бы то ни было поприщѣ. Средства, полученныя имъ частію по наслѣдству, частію за женой, позволяли ему бѣольшую часть своей жизни удовлетворять своимъ прихотямъ. Любопытно что онъ никогда не оказывалъ ни малѣйшей помощи своему сыну Александру, и тотъ справедливо говорилъ своимъ деревенскимъ сосѣдямъ, близко знавшимъ его семейныя дѣла, что онъ едва ли получилъ отъ отца во всю свою жизнь до пяти сотъ рублей ассигнаціями. При всемъ томъ тщеславіе Сергѣя Львовича тѣшили успѣхи его сына, и онъ по-своему цѣнилъ ихъ и гордился ими.

Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ Александра Пушкина упомянуто что отецъ его былъ самъ стихотворецъ. Дѣйствительно, Сергѣй Львовичъ имѣлъ врожденную способность писать и говорить стихами, — даръ возросшій въ его сынѣ до поэтическаго творчества. Поприще на которомъ онъ подвизался со своими стихами были дамскіе и дѣтскіе альбомы, и въ нихъ-то онъ весьма охотно и съ одинаковою легкостью писалъ то русскіе, то французскіе стишки самаго сладкаго сантиментальнаго характера. Меня увѣряли даже что онъ владелъ довольно легкимъ англійскимъ и италіанскимъ стихомъ. Предметами его пѣснопѣній бывали обыкновенно юницы, только-только что выходившія изъ коротенькихъ платьицъ, и чѣмъ старѣе дѣлался Пушкинъ-отецъ, тѣмъ охотнѣе „точилъ онъ слезы умиленія и любви предъ юнѣйшими изъ юныхъ отроковицъ“. Небольшаго роста, толстенкій, беззубый, плѣшивый и вѣчно прилизывавшій скудные остатки волосъ фиксатуаромъ, онъ былъ чрезвычайно слезливъ и весьма рано обрѣячился. Влюбаяся онъ въ десятилѣтнихъ дѣвочекъ и пресмѣшно ревновалъ ихъ. Такъ разказывали мнѣ предметы его поклоненія, нынѣ солидныхъ лѣтъ дамы и дѣвочки.

Въ альбомахъ села Тригорскаго мы встрѣтили множество стиховъ Сергѣя Львовича Пушкина, и имѣя въ виду что эти стихи принадлежатъ *отцу* великаго поэта, нельзя не привести хоть нѣкоторыя изъ этихъ произведеній. Вотъ, напри-

мѣръ, посланіе Сергѣя Львовича Пушкина, написанное въ 1840 году, Марья Ивановна О—й:

„Не знаю, дружбу или любовь
 Питаю къ ней въ душѣ умылой,
 Но сердце воетъ, бьется вновь
 Какъ билось въ юности счастливой:
 Люблю ее за тихій нравъ,
 За ясный умъ, столь просвѣщенный,
 За красоту, за взглядъ безцѣнный
 И за улыбку на устахъ;
 Люблю я звукъ ея рѣчей
 И кудри русыя, густыя,
 Рѣсницы длинныя очей,
 И розы на щекахъ живыя.
 При ней я робокъ, молчаливъ,
 Одну ее я вижу, ей внимаю,
 Порой то веселъ, то ревнивъ,
 Любовь ли это?... Я не знаю.
 Во мнѣ кипитъ и стынеть кровь,
 При ней мнѣ все очарованье,
 Но нѣтъ надежды, нѣтъ желанья....
 То вѣрно дружба, не любовь.“

А вотъ и другой обращикъ этой поэзіи:

„Люблю.... никто того не знаетъ,
 И тайну милую храню въ душѣ моей.
 Я знаю то одинъ.... хоть сердце изнываетъ,
 Хотя и день, и ночь тоскую я по ней;
 Но мило мнѣ мое страданье,
 И я клялся любить ее безъ упованья;
 Но не безъ счастья для сердца моего
 Я на нее гляжу.... Довольно и того.“

Пушкинъ-отецъ довольно часто проводилъ лѣто въ селѣцѣ Михайловскомъ, имѣнни своей жены, и, подобно сыну, любилъ проводить цѣлые дни въ сосѣднемъ Тригорскомъ. Выше приведены стихи Александра Пушкина, 1825 года, объ этомъ дорогомъ для него убѣжищѣ, а вотъ и стихи отца его (1839 года) обращенные къ тому же предмету:

„Жилище мирное, услада дней моихъ,
 И озеро, и лѣсъ, и садъ любимый мною,
 Гдѣ слезы лилъ подъ сѣнью дровъ густыхъ,
 Гдѣ усаждали вы, страдальца, тишиною,
 Гдѣ я, друзья, мечталъ о васъ,
 Простите всѣ въ послѣдній разъ!

И ты, которую я называть не смѣю,
 Которую любилъ я всей душой моею,
 Которой ума я, въ послѣдній жизни часъ,
 Послѣдню мысль мою занявъ одной тобою,
 Я прошенчу съ любовью и тоскою, —
 Прости, въ послѣдній разъ.“

Страсть къ стихописанію у Пушкина-отца была чрезвычайная; всѣ записки его къ предметамъ его платонической страсти писались не иначе какъ стихами; посылаетъ ли онъ цвѣты, книгу, собаку, лампу, посылку неминуемо сопровождаютъ стихи. Вотъ одно изъ его посланій на французскомъ языкѣ:

Ayez pour moi de l'amitié
 Des petits soins, de l'indulgence.
 Je vous promets obeissance,
 Amour de chien, reconnaissance
 Et surtout sa fidelité.“

Или вотъ еще:

„Un mot d'amour
 Est le bonheur suprême,
 Si par l'objet, qu'on aime,
 Il est dit sans détour
 Ce mot d'amour.“ и т. п.

Нѣкоторые стихи Пушкина-отца отличались и легкостью формы, и нѣкоторою игривостью мысли. Вотъ, на примѣръ, довольно милое, по своему времени и по преклонному возрасту автора, стихотвореніе, написанное къ одной изъ дочерей владѣтельницы села Тригорскаго въ 1842 году:

„Вы приказали. Повинуюсь
 И дакъ спѣшу принести въ альбомъ,
 Хоть въ стихотворцы я не суюсь,
 Но воля ваша мнѣ законъ.
 Я не былъ никогда поетомъ,
 Стиховъ я вовсе не писалъ,
 И піитическимъ привѣтомъ
 Къ себѣ я музъ не призывалъ.
 Въ связи съ жрецами Аполлона,
 Когда, кой-гдѣ о немъ слыхалъ...
 Ихъ пѣснямъ съ жадностью внималъ,
 Но ѣ къ подошвѣ Геликона
 Отъ робости не приступалъ.
 Не знаю, истинно, ей, ей,
 Какой звѣрь ямбъ и что хорей;

Не знаю гдѣ кастальски воды,
 И кто былъ Фебъ, и гдѣ Парнасъ,
 Вблизи-ль Тригорскаго у васъ
 Фебъ ищетъ мира и свободы.
 Подчасъ, мнѣ кажется, онъ къ вамъ
 Подкравшись тихими шагами,
 Невидимо любуясь вами,
 Слѣдитъ плавно и мечтамъ,
 Невидимо, предъ вами нами,
 По звонкимъ, сладостнымъ струнамъ
 Играетъ вашимъ перстамъ. *
 Такъ что жъ при немъ могу сказать?
 Что чувствую писать не смѣю....
 Предъ Фебомъ я благоговѣю....
 Предъ вами лишь могу молчать.“

Александръ Пушкинъ, какъ разказывали мнѣ люди близ
 ко знавшіе его семейный бытъ, не встрѣчалъ и въ матери
 своей той нѣжной привязанности и любви которая такъ
 улаживаетъ каждого человѣка и остается для него на всю
 жизнь самымъ дорогимъ воспоминаніемъ. Вотъ что, между
 прочимъ, пишетъ въ доставшейся мнѣ замѣткѣ баронесса
 В., коротко знавшая отношенія своего друга Пушкина къ его
 матери:

„....Пушкинъ чрезвычайно былъ привязанъ къ своей мате-
 ри, которая однако предпочитала ему втораго своего сына
 (Льва), и притомъ до такой степени что каждый успѣхъ
 старшаго дѣлалъ ее къ нему равнодушнѣе и вызывалъ съ ея
 стороны сожалѣніе что успѣхъ этотъ не достался ея любим-
 цу. Но послѣдній годъ ея жизни, когда она была больна нѣ-
 сколько мѣсяцевъ, Александръ Сергѣевичъ ухаживалъ за
 нею съ такою нѣжностью и удѣлялъ ей отъ малаго своего
 состоянья съ такою охотой что она узнала свою несправед-
 ливость и просила у него прощенія, сознаваясь что она не
 умѣла его цѣнить. Онъ самъ привезъ ея тѣло въ Святогор-
 скій монастырь (апрѣль 1836 г.), гдѣ она похоронена, и тутъ
 же купилъ и себѣ мѣсто. Послѣ похоронъ онъ былъ чрез-
 вичайно разстроень и жаловался на судьбу что она и тутъ
 его не пощадила, давъ ему такое короткое время пользовать-
 ся нѣжностью материнскою, которой до того времени онъ
 не зналъ. Между тѣмъ, какъ онъ самъ мнѣ разказывалъ, на-
 плись люди въ Петербургѣ которые увѣряли что онъ при
 отпѣваніи тѣла матери неприлично веселъ былъ....“

* Особа, которой писаны эти стихи, хорошо играла на фортепіано.

Предо мною лежитъ собраніе писемъ матери Пушкина къ баронессѣ В. Письма эти — свѣтская, дружеская болтовня столичной жительницы съ провинціальною пріятельницей: извѣстіями объ удовольствіяхъ и нарядахъ старушка думала занять молодаго своего друга; есть впрочемъ и двѣ-три строки имѣющія біографическій интересъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ изъ Петербурга отъ 4-го января 1834 года, мать Пушкина пишетъ: „... Je vous dirai pour nouvelle qu'Alexandre est nommé Gentilhomme de la chambre, Natalie * en est enchantée parce que cela lui donne l'entrée à la Cour; en attendant, elle danse partout chaque jour...“

Родители Пушкина жили зимою 1834 года въ Петербургѣ, у Пустаго рынка, на Гагаринской улицѣ: „...C'est a deux pas de mon fils, пишетъ 26-го декабря того же года мать Пушкина: ses enfans sont charmants. Natalie sort beaucoup, danse tous les jours. Hier j'ai passée la journée en famille: tous mes enfans ont diné chez nous. On n'entend parler que de fêtes, de bals et spectacles...“

Баронессѣ В—ской, проводившей въ могилу мать Пушкина, суждено было видѣть ея первенца-сына, а своего друга, за нѣсколько лишь дней до его трагической гибели. Въ началѣ января 1837 года баронесса В—ская пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ. Пушкинъ, лишь только узналъ о пріѣздѣ друга своей молодости, поспѣшилъ къ ней явиться. Съ этого времени онъ бывалъ у нихъ почти ежедневно и долго и откровенно говорилъ съ баронессой о всѣхъ своихъ дѣлахъ. Все это время онъ былъ въ высшей степени въ возбужденномъ и раздражительномъ состояніи. Сплетни и интриги тяжкими путами связали его, и онъ изнемогалъ подъ бременемъ клеветъ не оставившихъ въ покоѣ самую святыню его семейной жизни; къ тому же прибавилась крайняя запутанность матеріальныхъ средствъ.

Между тѣмъ жена его, не предвидя послѣдствій, передавала мужу все что доводилось ей слышать во время ея безпрестанныхъ выѣздовъ въ свѣтъ. Все это подливало масло въ огонь. Пушкинъ видѣлъ во всемъ вздорѣ до него доходившемъ посягновеніе на свою честь, на свое имя, на святость своего семейнаго очага, и давимый ревностью, мучимый фальшивостью положенія въ той сферѣ куда бы ему и не слѣдовало

* Наталья Николаевна, жена Пушкина.

стремиться, видимо искалъ смерти.... Встрѣтившись за нѣсколько дней до дуэли съ баронессой В. въ театрѣ, Пушкинъ самъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи искать смерти. Тщетно та продолжала его успокоивать, какъ дѣлала то при каждой съ нимъ встрѣчѣ. Пушкинъ былъ непреклоненъ. Наконецъ она напомнила ему о дѣтяхъ его.

— Ничего, раздражительно отвѣчалъ онъ:—императоръ, которому извѣстно все мое дѣло, обѣщаль мнѣ взять ихъ подъ свое покровительство....

IX.

„Въ послѣднихъ числахъ января 1837 года,“ такъ разсказывала намъ баронесса В., „сидѣла я у себя въ домѣ, въ селѣ Голубовѣ (въ 16 верстахъ отъ Тригорскаго), на верху, въ мезонинѣ, и расчесывала волосы.... Былъ вечеръ.... Тутъ же въ комнатѣ, въ полусумеркахъ, сидѣла со мною сестра Анна Николаевна и нянюшка.... Вдругъ я ясно услышала скрипъ лѣстницы, шумъ шаговъ и затѣмъ слишкомъ хорошо знакомый и дорогой мнѣ голосъ А. С. Пушкина.... Онъ спросилъ по-французски: „Можно войти?“

„До нельзя изумленная появленіемъ Пушкина, котораго я еще нѣсколько дней тому назадъ оставила въ Петербургѣ, я бросилась къ дверямъ, быстро распахнула ихъ, но ни въ передней, ни на лѣстницѣ — нѣтъ никого. Спрашиваю няню и сестру, и тѣ говорятъ что явственно слышали мужской голосъ, спрашивавшій за дверями позволенія войти. Всѣ мы сходимъ внизъ, спрашиваемъ: не пріѣзжалъ ли кто?... Но никто и никого не видѣлъ.... Сердце у меня болѣзненно сжалось. Я поняла тогда что это было видѣніе. Пушкина нашего нѣтъ на этомъ свѣтѣ.“

5-го февраля 1837 года, въ пасмурный зимній день, подъ вечеръ, П. А. Осипова, сидя у окна въ своемъ Тригорскомъ, попросила младшую свою дочь прочесть ей какую-то скучнѣйшую статью изъ французскаго журнала. Только что Марья Ивановна приступила къ чтенію, какъ лакей доложилъ что пріѣхалъ Тургеневъ.

— Ну что жь, вели ему выдать четверикъ овса, сказала госпожа Осипова, думая что это пріѣхалъ какой-нибудь мелкій чиновникъ изъ земскаго или уѣзднаго суда ближняго города Опочки, за обычною взяточною милостыней.

Всѣ эти чиновнички имѣли громкія фамиліи: Разумовскаго, Тургенева и т. п.

— Никакъ нѣтъ-съ, это не изъ судебныхъ, сказалъ лакей,— этотъ со звѣздой.

Оказалось что пріѣхавшій дѣйствительно былъ со звѣздой, и не писецъ изъ города Опочки, а Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Онъ, въ сопровожденіи жандарма, на почтовыхъ привезъ изъ Петербурга тѣло А. С. Пушкина.... Тѣло провезли прямо въ Святогорскій монастырь, а Тургеневъ захватилъ въ село Тригорское (въ трехъ верстахъ отъ монастыря) чтобы лично передать его обитательницамъ подробности тяжкой утраты понесенной всею Россіей.

Долго не умолкала въ Тригорскомъ грустная бесѣда въ этотъ роковой вечеръ.... Тургеневъ разказывалъ много о своемъ другѣ. На этого почтеннаго человѣка выпала странная доля: онъ отвозилъ Пушкина двадцать шесть лѣтъ предъ тѣмъ въ лицей, и теперь сопровождалъ трупъ его въ его послѣднее жилище. Между прочими подробностями о смерти и отпѣваніи Пушкина, Тургеневъ сообщилъ что уваженіе къ памяти поэта въ громаднхъ толпахъ народа, бывшихъ на его отпѣваніи въ Конюшенной церкви, было до того велико что всѣ полы сюртука Пушкина были разорваны въ доскутки, и онъ оказался лежащимъ чуть не въ курткѣ; бакенбарды его и волосы на головѣ были тщательно обрѣзаны его поклонницами.... *

Достойно замѣчанія что несмотря на поздній пріѣздъ свой въ Тригорское и на усталость съ дороги, Тургеневъ, какъ разказывала мнѣ М. И. О., остался вѣренъ своимъ привычкамъ: въ тотъ же вечеръ М. И. О. должна была, подъ его диктовку, записать происшествія послѣднихъ дней въ особый дневникъ, который Тургеневъ неизмѣнно, болѣе двадцати лѣтъ, велъ каждый день!

Гдѣ-то находится теперь этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, любопытный матеріалъ для исторіи русскаго общества и

---

* Въ моемъ большомъ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей есть довольно рѣдкій портретъ 1837 г., литографія изображающая Пушкина въ гробу. Выраженіе лица поэта крайне спокойное, щеки какъ-то отдутаваты. Голова подперта высокимъ галстукомъ, сюртукъ съ широкими лацканами. На головѣ волосъ мало, бакенбарды чуть замѣтны. Подъ портретомъ простая подпись: „А. С. Пушкинъ“. Этотъ портретъ во всякомъ случаѣ стоило бы нынѣ перепечатать.

литературы за первыя десятилѣтія текущаго столѣтія? Александръ Ивановичъ Тургеневъ и по служебному своему положенію (онъ долго занималъ важный постъ въ канцеляріи государственнаго совѣта, затѣмъ въ придворной службѣ и, наконецъ, если не ошибаюсь, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), и по своимъ какъ общественнымъ, такъ и литературнымъ связямъ, могъ многое знать, многое видѣть, а слѣдовательно могъ сообщить въ своемъ журналѣ чрезвычайно много любопытнаго. Вообще же этотъ человѣкъ, — вопреки свидѣтельству завистливаго и желчнаго Вигеля, — былъ дѣятель весьма просвѣщенный и высоко достойный по своимъ нравственнымъ качествамъ. Извѣстно, на примѣръ, что когда братъ его, Николай Ивановичъ Тургеневъ, осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году за участіе въ тайномъ обществѣ, вынужденъ былъ навсегда остаться въ чужихъ краяхъ изгнанникомъ, причемъ имѣнія его въ Россіи поступили его брату Александру, послѣдній продалъ ихъ и вырученный миліонъ рублей ассигнаціями передалъ брату и затѣмъ всю свою жизнь его поддерживалъ.

Обитатели Тригорскаго, чтя память Тургенева, хранятъ литографированный портретъ его, едва ли не имъ самимъ подаренный, а въ альбомѣ сохраняются строки начертанныя Александромъ Ивановичемъ во время его пріѣзда съ тѣломъ Пушкина. Вотъ что написалъ въ альбомѣ Тригорскихъ А. И. Тургеневъ.

„La bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire.... (добавлено другою рукою: et la foi qui espère.) Sentence versipéée à Trigorskoye le 5 fevrier, 1837. A. Tourgenef.“

Etends sur eux la main de Ta clémence:
 Ils ont peché, mais le ciel est Ton don!
 Ils ont aimé; c'est une autre innocence.
 Ils ont souffert; c'est le sceau da pardon....

Lamartine. (Написалъ А. И. Тургеневъ 5-го февраля 1837 г.)

Въ пятомъ часу утра, 6-го февраля 1837 года, Тургеневъ и г-жа Осипова съ дочерью уже были въ Святогорскомъ монастырѣ. Тѣло Пушкина, какъ извѣстно, опущено въ могилу на самой вершинѣ крутой горы, на которой стоитъ церковь этой уединенной обители; по зеленому крутому обрыву спускается березовая роща, а у подошвы горы, за красивою

оградой изъ дикаго камня, огибаетъ монастырь большая почтовая дорога. Мѣсто это многократно описывалось разными проѣзжими и по своей живописности вполне оправдываетъ выборъ здѣсь могилы, сдѣланный самимъ Пушкинымъ еще за годъ до своей смерти.

Памятникъ крайне не затѣливъ. На широкомъ каменномъ пьедесталѣ стоитъ небольшая усѣченная мраморная пирамидка, въ нишѣ которой поставлена урна. Желѣзная рѣшетка окружаетъ монументъ. Все это заплеснѣвало, заржавѣло, грязно, заброшено....

Когда-то Россія дождется монумента Пушкину? Когда-то по общественной инициативѣ и на пожертвованныя обществомъ же суммы сооруженъ будетъ памятникъ поэту, такъ много послужившему и русскому слову, и русской мысли?

Х.

Если потомки, къ стыду ихъ, довольно равнодушны къ памяти Пушкина, то современники его, надо отдать имъ справедливость, превознося его при жизни, приняли вѣсть о его утратѣ съ необыкновенною печалью.

Она выразилась и въ литературѣ, и въ частныхъ письмахъ, и въ общественныхъ толкахъ. Судя по силѣ того чувства безпредѣльной любви и уваженія которое выказалось тогда въ обществѣ къ Пушкину, нѣтъ сомнѣній, былъ бы сооруженъ ему общественными средствами и величественный памятникъ, и изданіе его сочиненій сдѣлано было бы съ надлежащею роскошью, еслибъ, увы, русское общество того времени имѣло болѣе свободы для проявленія своихъ желаній и для осуществленія ихъ. Къ сожалѣнію, тогдашняя администрація, не спускавшая общества съ помочей, не сочла возможнымъ допустить въ слишкомъ большихъ размѣрахъ проявленія сочувствія къ памяти Пушкина....

Тѣмъ дороже и интереснѣе для насъ проявленія чувствъ общества той эпохи, пережитыхъ имъ при вѣсти объ утратѣ Пушкина.... Въ самомъ дѣлѣ, едва ли когда-нибудь и прежде, и послѣ, смерть частнаго человѣка, простаго литератора, вызывала столь искреннюю печаль въ обществѣ какъ это было послѣ смерти Пушкина. Каждый, кто только мало-мальски состоялъ въ фалангѣ поэтовъ, счелъ своимъ

долгомъ выразить въ стихахъ чувства глубочайшей печали о понесенной обществомъ утратѣ. Князь Вяземскій, Эдуардъ Губертъ, Лермонтовъ, Макаровъ, Бороздна, Креницынъ, словомъ, множество извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, старыхъ и молодыхъ стихотворцевъ того времени почтили свѣжую могилу Пушкина стихами; многія изъ этихъ произведеній такъ и остались въ рукописи, другія стихотворенія, какъ напримѣръ Лермонтова, вызвавъ много горя на голову ихъ сочинителя (ссылку на Кавказъ), узрѣли свѣтъ лишь тридцать лѣтъ спустя, обойдя до того всю Россію въ рукописи.

Обитательницы Тригорскаго, съ трогательною любовью къ памяти своего друга и сосѣда, собирали все что писалось тогда „на смерть Пушкина“. Отецъ поэта, А. И. Тургеневъ, Жуковскій, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ и другіе охотно посылали имъ произведенія этого *отдѣла* тогдашней литературы.... Вотъ между прочимъ къ этому же роду относящіяся рукописные стихи отца Пушкина, написанные имъ къ дочери г-жи Осиповой:

„На память нашего поэта
 Погибшаго во цвѣтъ лѣтъ
 Среди бурь, измѣнъ моднаго свѣта, —
 Дарю тебѣ его портретъ.
 Ты вспомнишь и мои страданья,
 Потоки слезъ моихъ очей,
 И будутъ два воспоминанья —
 Предметы думъ души твоей.
 Да не отравятъ твой покой
 Сіи мечты воображенья,
 Услышитъ теплыя моленья
 Мои хранитель ангелъ твой!
 Скломяая главою въ прахъ,
 Я слышу генія... Паритъ онъ надъ тобою
 И блещетъ аркою звѣздою,
 И молить онъ о томъ же въ небесахъ.“

Сергѣй Пушкинъ.

Михайловское.

30-го сентября 1837 г.

На одномъ изъ хранящихся въ Тригорскомъ спискъ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова „на смерть Пушкина“, мы прочли слѣдующій эпиграфъ изъ трагедіи:

„Отщепеня, государь, отщепеня!
 Паду къ ногамъ твоимъ,

Будь справедливъ и накажи убійцу,
 Чтобъ казнь его въ поздвѣшше вѣка
 Твой правый судъ потомству возвѣстила,
 Чтобъ видѣли заодно въ ней примѣръ.*

Стихотвореніе Эдуарда Губерта, такъ же какъ и Лермонтова, писанное (30-го января 1837 г.) не для печати, довольно сильно и дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ.... Оно, подобно стихотворенію Лермонтова, увидѣло свѣтъ уже многіе годы спустя послѣ смерти ихъ автора. * Привожу нѣсколько заключительныхъ строкъ этого стихотворенія, а именно обращеніе поэта къ убійцѣ Пушкина:

„А ты.... Но лира умокаетъ
 При страшномъ имени его,
 Но смѣлый голосъ замираетъ
 И не домыслитъ до него.
 Влачишь въ пустынь безотрадной
 Съ клеймомъ позора на челѣ!
 Твоимъ костямъ въ могилѣ хладной
 Не будетъ мѣста на землѣ!
 Не знай надежды свѣтозарной,
 Чуждайся нѣги, сладкихъ сновъ!
 И въ глубинахъ души коварной
 Таи проклятія вѣковъ!
 Когда же горькими слезами
 Въ предсмертной мукѣ принята
 Молитва грѣшными словами
 Сойдетъ на грѣшныя уста,
 Тогда прикинетъ къ ложу муки
 Нѣмая тѣнь во тьмѣ ночной
 И окровавленные руки
 Судомъ подниметъ надъ тобой!“

Ни одно почти стихотвореніе на смерть Пушкина не обходилось безъ выраженія болѣе или менѣе сильнаго негодованія противъ его убійцы. Такъ на примѣръ, безвѣстный для насъ авторъ рукописнаго же стихотворенія: *Воспоминаніе о Пушкинѣ*, между прочимъ, восклицаетъ:

„....Не спрашивай, Россія,
 Чьей святотатственной рукой
 Волшебныхъ струвъ оборванъ строй.
 Зачѣмъ? Оставь слова пустыя!

* Впервые сообщено въ *Москов. Вѣдом.* 1857 г. извѣстнымъ библиографомъ нашимъ М. Н. Лонгиновымъ.

Стыдится изгнанный пришлецъ.
 Поэтъ простилъ его съ любовью,
 Злодѣй прославленный вѣнецъ
 Не запятналъ пролитой кровью.“

„Le nom de l'auteur je l'ignore, замѣчаетъ отецъ Пушкина, приславшій это стихотвореніе въ Тригорское въ своемъ собственноручномъ спискѣ: mais je lui porte le sentiment d'une reconnaissance profonde et bien sentie....“

Братъ покойнаго поэта, Левъ Пушкинъ, также прислалъ въ Тригорское своеручный списокъ нѣкоторыхъ стихотвореній на смерть автора *Полтавы* и *Бориса Годунова*. Вотъ, напри- мѣръ, одно изъ нихъ, вычурное и своеобразное стихотвореніе нѣкогого *Ивана Борозды*, написанное въ Москвѣ 18-го марта 1837 г., съ эпиграфомъ изъ Пушкина. *Плачь, муза, плачь!* Не знаю, было ли оно въ свое время напечатано, тѣмъ не менѣе, для знакомства съ тѣмъ настроеніемъ общества которое вызвала смерть Пушкина, приведу отрывокъ и изъ этого произведенія.

„Ты перешелъ за грань земнаго міра,
 Очарователь нашъ, Омѣгина пѣвецъ,
 Славянскихъ музъ любимый жрецъ!
 И златострунная осиротѣла лапа!
 О какъ пѣвнательно на ней,
 Во славу родины своей,
 Ты, полный силы откровенья,
 Игралъ могучею рукой,
 Роняя пламень вдохновенья
 Въ грудь молодаго поколѣнья
 Путеводимаго тобой!
 И путь твой совершенъ! И гордая Россія
 Ихъ бережетъ, твои созданья вѣковыя,
 Неисчерпаемый источникъ чувствъ и думъ!
 Ты стариковъ питаешь строгій умъ,
 Мечтательнымъ даришь замѣчливя грезы,
 Скорбящимъ—утѣшеня слезы;
 Ты, какъ мудрецъ, разишь пороки,
 Величію даешь—величія уроки;
 Волнуешь сердце дѣвы
 Картиной жизни и страстей,
 И сладкорѣчіе любви внушаютъ ей
 Твои отрадные напѣвы!
 Давно минувшіе ты воскрешаешь годы;

Когда жь плѣнительно живописуешь ты
 Міросозданья красоты,
 Въ твоихъ стихахъ слышна гармонія природы.
 О! звуки ихъ изъ рода въ роды
 Стезю славы долетать,—
 Потому позднѣе ихъ жадно затвердятъ
 И будетъ аркою звѣздою
 Сіять вѣнецъ, покинутый тобою!" и пр.

Приведу двѣ или три строфы изъ стихотворенія В. Макарова, также по рукописному списку, найденному мною въ архивѣ Тригорскаго. Стихотвореніе это не безынтересно какъ отголосокъ тѣхъ толковъ которые вызвала гибель Пушкина:

„Друзья, я видѣлъ трупъ холодный
 Пѣвца возвышенныхъ рѣчей!
 И слышалъ я въ толпѣ народнои
 Языкъ коварства и страстей.
 Одинъ бессмысленно взираетъ
 На трупъ великаго пѣвца,
 Другой, безумецъ, осуждаетъ
 И говоритъ: она, она
 Всему вина!

„Я думалъ: о, языкъ коварный,
 Ты никого не пощадишь!
 О, человекъ неблагодарный,
 Не знаешь ты предъ кѣмъ стоишь!
 Зачѣмъ пришелъ? Иль прахъ священный
 Ты хочешь злобой помрачить?
 Съ душою низкой и надменнои
 Земнымъ коварствомъ уязвить
 Нельзя пѣвца!

„Онъ умеръ. Что же, въ этомъ мірѣ
 Ужели мало онъ страдалъ,
 Когда на сладкозвучнои аирѣ
 Святую правду величалъ?
 Итакъ колѣна преклоните,
 Оставьте дерзкія слова
 И Бога вышняго молитъ,
 Поэтъ предъ Нимъ,—его душа
 На небесахъ!" и т. д.

Извѣстное письмо Жуковскаго къ отцу Пушкина о смерти поэта попало въ подлинникѣ къ обитательницамъ Тригорскаго же. А именно, Сергѣй Львовичъ передалъ его одной

изъ дочерей г-жи Осиповой, баронессѣ Вревской, и уже въ послѣдствіи у нея выпросилъ его на время покойный Шенигъ, бывшій инспекторъ Дерптскаго университета и большой поклонникъ литературы; онъ не возвратилъ этого письма, и теперь неизвѣстно у кого этотъ вдвойнѣ драгоцѣнный автографъ. Впрочемъ, *Русскій Архивъ* подобралъ на свои страницы тѣ мѣста изъ этого списка которыя въ свое время, по требованіямъ цензуры, не были напечатаны. Затѣмъ въ Тригорскомъ есть списокъ другаго письма о смерти же Пушкина: это письмо князя П. А. Вяземскаго къ Александру Яковлевичу Булгакову, отъ 5-го февраля 1837 года. Если оно еще не напечатано, то желательно чтобы князь помѣстилъ его гдѣ-нибудь, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя интересныя подробности.

Вѣсть о смерти Пушкина поразила всѣхъ лучшихъ русскихъ людей того времени во всѣхъ концахъ нашего отечества. Вотъ что, напримѣръ, писалъ 23-го февраля 1837 года Александръ Бестужевъ (Марлинскій) съ Кавказа, именно изъ Тифлиса, гдѣ онъ влачилъ жизнь изгнанника, къ брату своему, по полученіи роковаго извѣстія:

„...Я былъ глубоко тронутъ трагическою кончиною Пушкина, несмотря на то что это извѣстіе мнѣ было сообщено очаровательною женщиною. Всякое внезапное несчастье не вдругъ проникаетъ въ глубину сердца, оно, повидимому, дѣйствуетъ только на его оболочку; но чрезъ нѣсколько часовъ, въ тиши и уединеніи ночи, ядъ горечи вливается внутрь. Я не сомкнулъ глазъ во всю ночь и на разсвѣтъ дня былъ уже на крутой дорогѣ ведущей въ монастырь Св. Давида, который тебѣ извѣстенъ. * Придя туда, я призвалъ священника и попросилъ отслужить панихиду надъ могилою Грибоѣдова, надъ могилою поэта, поправною святотатственными ногами, безъ камня, безъ надписи! Я плакалъ тогда, какъ плачу теперь,—плакалъ горячими слезами, плакалъ надъ другомъ и товарищемъ по жизни, оплакивалъ самого себя! А когда священникъ запылъ: „за убиенныхъ боляръ Александра и Александра“, я чуть не задохся отъ рыданій: этотъ возгласъ показался мнѣ не только поминовеніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я самъ предчувствую что смерть моя будетъ также насильственная и необычайна, и она не далека отъ меня. ** Во

* Младшій братъ Бестужева, Павелъ, къ которому писано это письмо, долго служилъ на Кавказѣ, сосланный туда въ 1826 г. Письмо я привожу въ переводѣ съ французскаго.

** Александръ Бестужевъ изрубленъ въ бою съ Черкесами три съ половиною мѣсяца спустя послѣ того какъ писалъ эти строки, а именно 7-го іюня 1837 года.

иѣ слишкомъ много горячей крови, эта кровь кипитъ въ жилахъ и не охлаждается годами. Единственная моя молитва—не умереть на одрѣ страданій, либо не пасть въ незначительной стычкѣ. Въ остальномъ да будетъ воля Провидѣнія! Какая однако роковая судьба тяготѣетъ надъ поэтами нашего времени! Вотъ уже трое погубило! и какою смертью! * Данъ соблазнованья отданная публикой великому таланту умершаго истинно трогательна. Императорская милость, столь великодушно излитая на семейство покойнаго, заставитъ краснѣть нашихъ заморскихъ недоброжелателей. Но все-таки Пушкинъ умеръ, и потеря эта неизгладима. Ты, впрочемъ, слишкомъ обвиняешь Дантеса; всеобщая мораль или скорбѣй безнравственность — его оправдываютъ; по-моему, самое большое преступленіе или несчастье его — убіеніе Пушкина, а этого болѣе чѣмъ достаточно чтобы быть въ глазахъ моихъ неизгладимымъ оскорбленіемъ. Пусть будетъ онъ предупрежденъ (Богъ свидѣтель что я не шучу), что онъ или я не возвратимся съ нашей первой встрѣчи. Когда я прочелъ твое письмо Мамуку Арбельянову, онъ разразился въ восклицаніяхъ: „Я убью этого Дантеса, сказалъ онъ, если когда-нибудь его увижу!“ Я замѣтилъ что на Руси довольно Русскихъ чтобъ отомстить кровь любимаго поэта. Пусть онъ бережется!..“

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела вѣсть о смерти Пушкина среди льдистой Сибири, въ городахъ и даже за стѣнами остроговъ. Такъ напримѣръ, въ эту эпоху въ Нерчинскомъ округѣ, въ Петровскомъ острогѣ, доживала свой пятнадцатилѣтній срокъ каторги небольшая уже группа „перваго разряда“ декабристовъ. Всѣ они высоко чтили дарованіе Пушкина и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за его литературною дѣятельностью.

И вдругъ въ среду ихъ кружка какъ бомба упала вѣсть о гибели одного изъ любимѣйшихъ ими писателей. Вотъ какъ вспоминалъ, двадцать лѣтъ спустя, Иванъ Ивановичъ Пущинъ о впечатлѣніяхъ испытанныхъ тогда имъ и его друзьями. Привожу этотъ неизданный отрывокъ изъ его воспоминаній:

„Между тѣмъ у насъ (въ Петровскомъ острогѣ), съ теченіемъ времени, силою самихъ обстоятельствъ, устроились болѣе смѣлыя контрабандныя сношенія съ Европейскою Россіей: кой-когда доходили до насъ не одни *газетныя* извѣстія. Такимъ образомъ, возвратившійся въ январѣ 1838 года изъ

* Рыльцевъ повѣшенъ въ 1826 г., Грибоѣдовъ растерзанъ червюю въ Тегеранѣ въ 1829 г., Пушкинъ палъ на дуэли въ 1837 г.

отпуска нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14-й номеръ. Я искренно обрадовался и забросалъ его распросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ. Отдавъ мнѣ отчетъ на мои вопросы, онъ съ какою-то нервѣшительностію упомянулъ о Пушкинѣ. Я тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ поживаетъ? и пр. Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьи и наконецъ сказалъ: „Нечего отъ васъ скрывать: друга вашего нѣтъ! Онъ раненъ на дуэли „Дантесомъ и чрезъ двое сутокъ умеръ; я былъ при отпѣваніи его тѣла въ Конюшенной церкви наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга.“

„Слушая этотъ горькій разказъ, я сначала рѣшительно какъ будто не понималъ словъ разказчика: такъ далеко была отъ меня мысль что Пушкинъ долженъ умереть въ цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него надеждъ. Это было для меня громовый ударъ изъ безоблачнаго неба: ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказала на сердцѣ. Въсть эта электрическаго искрой сообщилась въ тюрьмѣ; во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было что о смерти Пушкина, объ общей нашей потерѣ; но въ итогѣ выходило одно что его не стало и что не воротить его! Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благоговѣть предъ его опредѣленіемъ. Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано со жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ лучше меня, далекаго, извѣстныхъ гнусныхъ обстоятельствъ, породившія дуэль; съ своей стороны скажу только что я не могъ, безъ особеннаго отвращенія, объ нихъ слышать: меня возмущали лица дѣйствовавшія и подозрѣваемые въ участіи по этому гадкому дѣлу, подсѣвшему существованіе величайшаго изъ поэтовъ.

„Размышляя тогда, и теперь очень часто, * о ранней смерти друга, не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: чтò было бы съ Пушкинымъ, еслибъ я привлекъ его въ нашъ союзъ, ** и еслибы пришлось ему испытать жизнь совершенно иную отъ той которая пала на его долю? Вопросъ дерзкій, но мнѣ, можетъ-быть, простительный.

„Вы видѣли внутреннюю мою борьбу всякій разъ, когда, сознавая податливую его готовность, приходила мнѣ мысль принять его въ члены тайнаго нашего общества; видѣли что почти уже на волоскѣ висѣла его участь въ то время, когда я случайно встрѣтился съ его отцомъ: эта пустая и совершенно ничего незначащая встрѣча, между тѣмъ, высказалась во мнѣ какимъ-то знаменательнымъ указаніемъ.... Только

* Писано въ 1858 году.

** „Союзъ благоденствія“, тайное общество 1818—1825 годовъ.

послѣ смерти его всѣ эти, повидимому, ничтожныя обстоятельства приняли въ глазахъ моихъ видъ яснаго дѣйствія Промысла, который, спасая его отъ нашей судьбы, сохранилъ поэта для славы Россіи.

„Положительно сибирская жизнь, та на которую въ послѣдствіи мы были обречены въ теченіи тридцати лѣтъ, еслибъ и не вовсе иссушила его могучій талантъ, то далеко не дала бы ему возможности того развитія которое, къ несчастію, и въ другой сферѣ жизни несвоевременно было прервано. Характеристическая черта генія Пушкина.— разнообразіе. Не было почти явленія въ природѣ, событія въ обыденной и общественной жизни, которое бы прошло мимо его, не вызвавъ дивныхъ и неподражаемыхъ звуковъ его лиры, и поэтому просторъ и свобода, для всякаго человѣка безцѣнные, для него были сверхъ того могущественнѣйшими вдохновителями. Въ нашемъ же тѣсномъ и душномъ заключеніи природу можно было видѣть только чрезъ желѣзныя рѣшетки, а о живыхъ людяхъ развѣ только слышать. Пушкинъ, при всей своей восприимчивости, никакъ не нашелъ бы тѣхъ матеріаловъ которыми онъ пользовался на поприщѣ общественной жизни. Можетъ-быть и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, который далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать капризномъ, существѣ.

„Однимъ словомъ, въ грустныя минуты, я утѣшаю себя тѣмъ что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ кто, какъ я, его любилъ и для всѣхъ умѣющихъ отыскать его живаго въ безсмертныхъ его твореніяхъ....

„Еще пара словъ.

„Манифестомъ 26-го августа 1856 года я возвращенъ изъ Сибири. Въ Нижнемъ-Новгородѣ я посѣтилъ Дала (онъ провелъ съ Пушкинымъ послѣднюю ночь). У него я видѣлъ прострѣленный сюртукъ Пушкина. Дала хочетъ принести его въ даръ академіи или публичной бібліотекѣ.

„Въ Петербургѣ навѣщалъ меня, больного, Константинъ Данзасъ. Много говорилъ я о Пушкинѣ съ его секундантомъ. Онъ, между прочимъ, разказалъ мнѣ что разъ какъ-то, во время послѣдней его болѣзни, пріѣхала Г. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пивки. Пушкинъ, прося поблагодарить ее за участіе, извинялся что не можетъ принять. Вскорѣ потомъ со вздохомъ проговорилъ: „Какъ жаль что нѣтъ теперь здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго!“

„Вотъ послѣдній вздохъ Пушкина обо мнѣ. Этотъ предсмертный голосъ друга дошелъ до меня слишкомъ чрезъ двадцать лѣтъ!...

„Имъ кончаю и разказъ мой.“ *

* Разказъ этотъ написанъ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1858 года, въ Московской губерніи, въ Бронницкомъ

Я привелъ довольно значительныя отрывки изъ неизданныхъ записокъ Пущина; они вполне разъясняютъ отношенія членовъ тайнаго общества къ Пушкину и причины почему поэтъ нашъ не попалъ въ него. Предо мной свидѣтельство другаго *декабриста*, И. И. Горбачевскаго (умершаго въ февралѣ 1869 г.), проникнутое крайнимъ нерасположеніемъ къ поэту.

„....Я не могу, писалъ Горбачевскій въ 1861 году, забыть брошюрки, которую я прочелъ,—сочиненіе нашего Ив. Ив. Пущина о своемъ воспитаніи лицейскомъ и о своемъ Пушкинѣ, о которомъ онъ много написалъ. Бѣдный Пущинъ, онъ того и не знаетъ что намъ (членамъ тайнаго общества) отъ верховной думы было даже запрещено знакомиться съ поэтѣмъ Ал. Серг. Пушкинымъ, когда онъ жилъ на югѣ. И почему? прямо было сказано что онъ, по своему характеру и малодушію, по своей развратной жизни, сдѣлаетъ тотчасъ доносъ о существованіи тайнаго общества.“

XI.

Отправимся изъ Тригорскаго въ село Михайловское, Зуево тожь, и посмотримъ въ какомъ-то оно видѣ теперь, тридцать три года спустя послѣ послѣдняго пріѣзда въ него Александра Сергѣевича Пушкина....

Дорога бѣжитъ волнистыми полянами и лугами. Влѣво извивается голубая лента рѣчки Сороти. Близъ самой дороги поднимаются знаменитыя, воспѣтыя Пушкинымъ сосны.... Но ихъ уже не три, а двѣ, причемъ одна имѣетъ форму совершенной лиры; у подошвы этихъ стариковъ не подымается уже молоденькая зелененькая рожица, она вырублена какимъ-то досужимъ старостой, заправлявшимъ нѣсколько лѣтъ хозяйствомъ Зуева.... Но вотъ на горбатыхъ корняхъ этихъ сосенъ, останавливавшихъ на себѣ задумчивый взоръ Пушкина, отдыхаетъ группа крестьянскихъ ребятшекъ, дѣтей уже *не крѣпостныхъ*, а свободныхъ гражданъ земли русской!... Съ какимъ восторгомъ взглянулъ бы Пушкинъ на эти русокудряя головки, которымъ не суждено уже влачить

уздѣ, въ селѣ Марьинѣ, гдѣ 3-го апрѣля 1859 года онъ окончилъ свою жизнь.

свою жизнь подъ тяжкимъ ярмомъ крѣпостнаго рабства!... Съ какимъ бы наслажденіемъ привѣтствовалъ поэтъ осуществленіе завѣтнѣйшаго своего желанія видѣть уничтоженіе на Руси рабства!...

Вотъ вправо подымается стройная сосновая роща. Влѣво отъ нея бѣгутъ необозримые зеленые луга. Сойдемъ съ незатѣливой линейки, на которой пріѣхали, и пойдѣмъ пѣшкомъ.

Въ рощѣ проходитъ широкая, прямая аллея, прямо къ селу Пушкина. Въ началѣ этой аллеи еще недавно была деревянная часовенка, нынѣ до основанія сгнившая.... Сюда приходилъ Пушкинъ съ книгой въ рукахъ; сюда еще нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти собирались больные крестьяне, и здѣсь ихъ осматривалъ и лѣчилъ докторъ, пріѣзжавшій въ деревню со вдовой Пушкина.

Но идемъ по аллеѣ.... Вотъ и село. Все оно очень не велико. Почти всѣ хозяйственныя постройки, за исключеніемъ небольшого скотнаго двора нѣсколько отбившагося въ сторону, скучены въ одно мѣсто. Онѣ окружаютъ небольшой дворикъ, посреди котораго, во время Пушкина, былъ овальный цвѣтничокъ, заботливо поддерживавшійся его няней, Пушкинымъ же и Языковымъ воспитой; нынѣ это мѣсто густо заросло терновникомъ и крапивой. Изъ всѣхъ построекъ, подымающихся вокругъ дворика, только небольшой амбарчикъ помнитъ Пушкина, прочія строенія всѣ позднѣйшаго времени.... А вотъ и домикъ. Но увы! этотъ новешенькій, весь выкрашенный красною краскою балаганчикъ хотя и стоитъ на мѣстѣ прежняго домика, но ни наружностью, ни внутреннимъ расположеніемъ не напоминаетъ жилища Пушкина; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, увѣрили меня лица посѣщавшія въ тридцатыхъ еще годахъ домъ поэта.... Не болѣе десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ прежній домъ разобранъ, и отъ него не сохранилось ни единого бревнышка. вмѣстѣ съ этимъ не уцѣлѣло ни одного стула или стола изъ прежней мебели. Все это погибло и растрчено, не столько временемъ, сколько поразительнымъ равнодушіемъ къ памяти замѣчательнаго чловѣка.

Да, странно, право, какъ мало еще мы цѣнимъ то что напоминаетъ намъ нашихъ лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на различныхъ общественныхъ поприщахъ. Кому не извѣстно какъ сохраняется въ Веймарѣ домъ Шиллера:

въ немъ не только комнаты, но вся рѣшительно обстановка, до послѣднихъ мелочей мебели, обоевъ, занавѣсокъ, сохранены въ томъ точно видѣ какъ были при знаменитомъ обитателѣ этого дома, такъ что можно подумать что онъ только что вышелъ изъ него. А домикъ Шекспира въ Стратфордѣ не только цѣлъ и сохраняется въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій съ поразительнымъ къ нему уваженіемъ, но въ сосѣдней деревнѣ цѣлъ даже домъ гдѣ жила невѣста Шекспира, Анна Гесевай, въ немъ сохраняется даже скамейка на которой, бывало, сживалъ гениальный писатель!... И все это взято подъ охрану цѣлаго особо учрежденнаго общества; домики посѣщаютъ тысячи туристовъ.... И они сохраняются не годъ, не десятки, а сотни лѣтъ!

А у насъ едва прошло тридцать лѣтъ, и если вы *случайно* забредете (нарочно никто не поѣдетъ!) въ сельцо Михайловское, въ которомъ такъ много создано, а еще болѣе задумано лучшихъ произведеній нашего поэта, вы не найдете не только ни одного предмета который бы вамъ его напомнилъ, но не увидите даже его портрета.

Недалеко отъ домика небольшой садикъ съ обвалившимся вокругъ него палисадомъ. Внутренность сада такова что можно подумать что здѣсь не была нога человѣческая съ того времени какъ въ немъ гулялъ заточенный сюда поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, садъ заросъ непролазно; ниспровергнутыя ударами молній, либо порывами вихря столѣтнія деревья заграждаютъ тѣнистыя аллеи; высохшій прудъ, съ островкомъ посрединѣ, печально подымаетъ съ болотистаго дна своего кучи лапушника, терновника и громаднѣйшей крапивы... Все уныло, мрачно, глухо, но, если хотите, поэтично, и если бы сюда попалъ кто-нибудь изъ нашихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы во всей этой угрюмой и грустной обстановкѣ прекрасный сюжетъ для поэтической картины. Она, впрочемъ, измѣняется, лишь только вы переходите по другую сторону домика. У подошвы покатой отлогости, спускающейся отъ дома, разстилается на далекое, далекое пространство зеркальная гладь Петровскаго озера, въ которое вливается рѣчка Соротъ... Мѣстность весьма живописная, и общая картина, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, восхитительна!

Окидывая взоромъ далекій горизонтъ этой картины, по-

нимаешь почему такъ живо работало въ маленькомъ, уютномъ домикѣ этого сельца богатое воображеніе поэта.

Нельзя не пожелать чтобы въ этомъ историческомъ сельцѣ, когда-нибудь, создалось нѣчто въ родѣ маленькаго музея, напоминающаго его прежняго знаменитаго обитателя: почему бы не собрать здѣсь портреты его, изданія его сочиненій, тѣ вещи которыя напоминаютъ его и т. п.? Сельцо близко отъ большой дороги: съ какимъ бы удовольствіемъ стали заѣзжать сюда тѣ изъ проѣзжихъ которымъ дорога память Пушкина.... Вѣдь не все же мы будемъ коснѣть въ невѣжественномъ равнодушіи къ отечественнымъ талантамъ сошедшимъ въ могилу.

Для тѣхъ кто, не довольствуясь настоящимъ видомъ сельца Михайловскаго, пожелалъ бы узнать какимъ оно было при Александрѣ Пушкинѣ, я укажу на небольшой альбомъ литографированныхъ рисунковъ достопримѣчательностей Псковской губерніи, изданный въ началѣ сороковыхъ годовъ во Псковѣ (въ большой листѣ), кажется, учителемъ рисованія въ гимназіи этого города, или архитекторомъ, г. Ивановымъ. Въ этомъ небольшомъ и весьма рѣдкомъ нынѣ альбомѣ есть весьма удовлетворительный рисунокъ сельца Михайловскаго конца тридцатыхъ годовъ.... Я надѣюсь, впрочемъ, перепечатать этотъ рисунокъ въ скоромъ времени во *Всемирной Иллюстраціи*, старающейся, не щадя издержекъ, воспроизводить на своихъ страницахъ рисунки отечественныхъ памятниковъ и достопримѣчательностей.

ХII.

Заключу настоящія выдержки изъ своей записной книжки маленькимъ пожеланіемъ относительно изданія сочиненій Пушкина. Какъ извѣстно, всѣ рукописи Пушкина и право изданія его сочиненій куплены у его наслѣдниковъ Я. А. Исаковымъ, на опредѣленное число лѣтъ. Нельзя сказать чтобы г. Исаковъ вполнѣ удовлетворительно воспользовался пріобрѣтеннымъ имъ изданіемъ. Выпущенное имъ въ семи довольно компактныхъ томикахъ собраніе сочиненій Пушкина, нынѣ до послѣдняго экземпляра разошедшееся и, слѣдовательно, съ лихвою окупившее ему всѣ издержки, не отличается ни полнотой, ни систематичностью въ рас-

положеніи сочиненій, ни умѣлымъ помѣщеніемъ вариантовъ, ни, наконецъ, богатствомъ бібліографическихъ, біографическихъ и критическихъ примѣчаній. Недостатки этого изданія вполнѣ справедливо были указаны нашею критикой. Мы не слышали чтобы г. Исаковъ, приступивъ къ новому изданію полнаго собранія сочиненій Пушкина, озаботился устраненіемъ замѣченныхъ недостатковъ. Новое собраніе сочиненій нашего поэта вновь будетъ, повидимому, также несовершенно и также недостойно памяти великаго писателя.

Нельзя не пожелать чтобы появилось, наконецъ, дѣйствительно полное собраніе сочиненій Александра Пушкина, достойное его памяти и соответствующее, напримѣтъ, великолѣпному академическому изданію сочиненій Державина, подъ редакціей почтеннаго нашего ученаго Я. К. Грота. Въ такое изданіе непремѣнно должно войти собраніе писемъ Пушкина и прочихъ доселѣ извѣстныхъ и отысканныхъ матеріаловъ къ его біографіи. Необходимо замѣтить что самый трудъ редакціи такого изданія значительно облегченъ въ послѣдніе годы обнаруженіемъ множества матеріаловъ относящихся къ объясненію сочиненій Пушкина и вариантовъ къ нимъ, а также массою писемъ его. Притомъ въ настоящее время не существуетъ уже тѣхъ стѣснительныхъ условій, вслѣдствіе которыхъ многія произведенія Пушкина безобразились выпусками по независѣвшимъ отъ издателей причинамъ.

М. СЕМЕВСКІЙ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1869

Н О Я Б Р Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССІИ. Гл. I—VII. А. Д. Градовскаго.
- II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ. Г. Де-Молинари.
- III. КЪ БЮГРАФІИ ПУШКИНА. Выдержки изъ записной книжки. М. И. Семевскаго.
- IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1762—1769). А. Н. Буломзина.
- V. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ. Гл. III—IV. В. И. Кельсіева.
- VI. ГРИБНОЙ ДОЖДЬ И ЛИВЕНЬ. Разказъ. С. В. Танѣва.
- VII. СЁОГУНЫ И МИКАДО. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. Иеромонаха Николая.
- VIII. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть третья. Гл. XVII—XXXI. В. В. Крестовскаго.
- IX. ПАМЯТИ ВАСИЛЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА. 16 ОКТЯБРЯ. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Р.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- БУЛГАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антони Тролона. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XVII—XXII.
- ВОКРУГЪ ЛУНЫ. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. I—V.